

Елена  
Арсеньева



Лукавый взор

# Елена Арсеньевна Арсеньева

## Лукавый взор

### Серия «Русская красавица»

*Текст книги предоставлен правообладателем  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=66251650](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66251650)  
Лукавый взор: Эксмо; Москва; 2022  
ISBN 978-5-04-164880-0*

#### **Аннотация**

Завораживающая и интригующая, как и все романы, вышедшие из-под пера несравненной Елены Арсеньевой, эта история не отпускает, пока не будет прочитана самая последняя страница. Париж начала XIX века охвачен тайной: кто скрывается под псевдонимом Лукавый Взор? Статьи этого корреспондента газеты «Бульвардье» раскрывают такие подробности жизни столицы, делают тонкие намеки на такие толстые обстоятельства, что остается только ждать и гадать: что и кто кроется за всем этим? Как обернутся события? А обстановка в стране накаляется: грядут очередные революционные беспорядки. Предотвратить их или поддержать? Улучшить положение страны на мировом рынке или погрузить ее в новую пучину? Множество людей, и в том числе бесстрашные и прекрасные женщины, принимают участие в ее спасении – или разрушении... К тому же, на карту поставлены любовь и честь. А значит, борьба будет нешуточной. Не зря главный редактор газеты Араго заряжает пистолеты...

Фрази впервые увидела его в тот день, когда в побежденный Париж входили русские войска. Кто-то толкнул ее под копыта марширующей конницы – но за секунду до неминуемой смерти Фрази подхватили сильные руки.

Она взглянула в глаза своему спасителю и поняла, что никогда его не забудет. Никогда в жизни! А жизнь оказалась не очень добра к ней. Лишила родителей, заставила изменить своей первой любви и выйти за другого, но вскоре оставила вдовой...

И вот Фрази снова в Париже. Незабываемый русский тоже здесь – все так же обворожителен, смел и... увлечен женщинами, имя которым – легион! Бороться за его расположение или гордо отвернуться? А самое главное, он ли это?!

Библиография Елены Арсеньевой насчитывает более семи десятков детективных, исторических, любовных романов, а также несколько сборников новелл. В ее сказочно-фантастических повестях присутствуют не только реальные люди, но и волшебницы, колдуны, пришельцы из иных миров и множество других загадочных персонажей.

# Содержание

Первое письмо Дмитрия Видова	6
Новый корреспондент газеты «Бульвардье»	10
Второе письмо Дмитрия Видова	27
«Бамага» от лукавого взора	30
История гусара Д.	44
Посол Российской империи	60
История гусара Д.	72
Тупик Старого Колодца	84
На Монмартре	95
Прием у прекрасной Стефании	108
В тот далекий, прошлому принадлежащий день...	120
Соперники	137
Конец ознакомительного фрагмента.	154

# Елена Арсеньевна Арсеньева Лукавый взор

*Я, не видав тебя, уже была твоя.  
Я родилась тебе обещанной заранее...*

*Марселин Деборд-Вальмор*

\* \* \*

*Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.*

© Арсеньева Е., 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

# Первое письмо Дмитрия Видова

## Писано в Париже, в Отеле

### Бирон<sup>1</sup> 20 сентября 1804 года

*Высокочитимая мадемуазель Вестинже! Горько сожалею, что принужден уехать, не простившись с Вами и не высказав всего того, чем наполнено мое сердце с того мгновения, как увидел Вас впервые. Не передать, как я страдал сегодня, пока мы спешно паковали, запечатывали и грузили сундуки с бумагами, которые его превосходительство Убри намеревался отправить в Санкт-Петербург! Уже давно понятно было, что придется покидать Париж, но отчего-то тянули со сборами до последнего дня, а теперь воцарилась суета неопишущая. Все мы: и советники, и секретари, и Ваш батюшка, ну и Ваш покорный слуга – трудились не покладая рук и не считаясь с чинами.*

*До последней минуты надеялся я, что Вы, по обыкновению, придете навестить отца. Но время шло, Вас не было, тревога все более властно овладевала моим сердцем, и наконец я решился спросить о Вас мсье Вестинже, который был*

---

<sup>1</sup> В 1804 г. посольство Российской империи во Франции располагалось в Париже, на улице Варенн, во дворце, некогда принадлежащем французскому маршалу Бирону. Обычно это здание называлось «Отель Бирон». Здесь и далее примечания автора.

занят не меньше всех нас. Ваш батюшка буркнул, что Вы нездоровы, и отошел от меня.

Сердце мое сжалось от этой вести. Я чувствовал себя так, словно небеса разверзлись, солнце померкло и нет никакого просвета впереди. Клянусь, я стоял ни жив ни мертв, как вдруг почувствовал чью-то руку на своем плече. Я оглянулся и вновь увидел Вашего отца. Он сказал угрюмо: «Чего уж теперь горевать! Сами виноваты. Свет не видел такого робкого молчуна. Не стóите вы слез моей дочери! Я ей говорил, что нужно ставить на француза Бовуара, а не на русского Видофф. У Бовуара зрение лучше!² И я был прав!»

Наверное, вид у меня сделался довольно глупый, потому что мсье Вестинжэ только рукой махнул. Может быть, он еще что-нибудь добавил бы, но тут его отозвал фон дер Пален, который надзирал за погрузкой нашего багажа. Я же попытался проникнуть в смысл слов Вашего батюшки – и внезапно надежда постучалась в мое сердце! Мгновенно перелистав в памяти все наши встречи, вспомнив выражение Ваших прекрасных глаз, вспомнив странное волнение, которое иногда звучало в Вашем голосе, дрожь Ваших рук, комкавших концы фишю³, когда мы о чем-то говорили, я вдруг с ужасом и восторгом осознал, что по глупости и робости

---

<sup>2</sup> Игра слов: фамилия Бовуар (beauvoir) омонимична словосочетанию – beau voir, где beau – красивый, прекрасный, а voir – видеть (франц.).

<sup>3</sup> Фишю (от франц. fichu) – косынка из легкой ткани или кружев, прикрывавшая шею и декольте.

*упустил драгоценные минуты, которые могли бы нас обоих сделать счастливыми.*

*Неужели Вы, мадемуазель Вестинже... нет, к дьяволу церемонии! Неужели Вы, свет мой Жюстина, ненаглядная Устинька... неужели Вы благосклонны ко мне? Неужели Вы захворали нынче от огорчения, что наша разлука неизбежна, а я все еще не сказал Вам тех слов, которых Вы, быть может, от меня ждали?.. Неужели я обидел Вас своей робостью? Обманул Ваши надежды?..*

*Боже мой, вдруг подумалось мне, а что, ежели Вы приняли мою робость за пренебрежение? Сочли, что я смотрю на Вас свысока, учитывая скромное положение Вашей семьи?!*

*Поверьте, Устинька: будь я не просто дворянского, а даже царского рода, оказался не каким-то там коллежским асессором, а министром двора или вовсе императором, я был бы счастлив мечтать о Вашей любви и готов был бы на коленях просить Вашей руки, оказался Вы даже не дочерью посольского консьержа, а дочерью самого последнего парижского бедняка!*

*Кажется, все на свете отдал бы, только бы иметь час времени: схватить экипаж, доехать до Вашего дома, пасть к Вашим ногам, объяснитьсь в любви и молить Вас разделить мою жизнь!..*

*Ох нет, что я несу, несчастный! Дипломатические отношения между нашими странами разорваны. Еще 28 августа посланник Петр Яковлевич Убри вручил министру ино-*



странных дел Талейрану ноту об их разрыве. Как я могу просить Вас стать женой того, в ком Франция скоро будет видеть представителя враждебной державы и кого теперь охраняет только иллюзия дипломатической неприкосновенности?..

Молю Бога, чтобы состояние неприязни между нашими державами сменилось миром и дружеством. Молю Бога, чтобы мне удалось вернуться в Париж. Молю Бога, чтобы Вы не забывали обо мне. К черту этого Вашего верного поклонника Филиппа Бовуара, на которого посоветует Вам ставить Ваш отец! Однако мсье Вестинжэ все же пообещал доставить Вам мое письмо... Во всяком случае, Вы всё узнаете о моих чувствах и страданиях.

Ах, вот горе, пора уж отправляться! Нет в свете более несчастного человека, чем я, и сердце мое рвется от любви.

Прощайте! Дай Бог Вам счастья, ненаглядная, любимая, обожаемая Устинька! Вспоминайте, умоляю, вспоминайте обо мне!

Вечно Ваш – Дмитрий Видов, секретарь при посольстве Российской империи в Париже.

# Новый корреспондент газеты «Бульвардье» Париж, 1832 год

Фарфоровые, роскошные, хотя и несколько побитые временем часы Вашерон-Константен, стоявшие на каминной полке, громко захрипели, готовясь пробить полдень. Полдень пятницы! Неподалеку, на колокольне новой, еще не вполне достроенной, но уже действующей церкви Девы Марии Лоретанской, Нотр-Дам-де-Лорет, зазвонили к обедне. Однако все сотрудники газеты «Бульвардье» немедленно достали еще и карманные «брегеты», чтобы сверить их.

То же сделал и Жан-Пьер Араго, главный «бульвардье» – редактор газеты. Многие собраты по ремеслу завидовали ему: Араго умудрился выбрать весьма удачное название для газеты. Ведь бульвардье – это завсегдатаи кофеен на Гран Бульвар, парижских Больших бульварах: светские люди, политики невысокого пошиба и просто сплетники. Теперь они считали своим долгом читать эту прославившую их газету, что, конечно, не могло не сказываться на популярности и продажах тиражей.

Удостоверившись, что полдень пятницы не опаздывает, присутствующие: сам Араго, его заместитель и заодно корректор Вальмонтан, бухгалтер Конкомбр и репортер Ролло

— выжидательно уставились на дверь. Строго говоря, Ролло сейчас следовало не протирать штаны в редакции, а заниматься тем, чем должен заниматься репортер, то есть шнырять по улицам в поисках маломальской сенсации или просто какого-нибудь случая, из коего можно раздуть если не сенсацию, то хотя бы сделать интересную заметку, которая повысила бы тираж «Бульвардье». Однако Ролло пожертвовал бы любой сенсацией, лишь бы не пропустить полудня пятницы, как, впрочем, и его коллеги.

Этот день приобрел столь важное значение для всех «бульвардье» около полугода назад, в декабре 1831 года. Тогда в редакции, которая занимала просторную комнату на третьем<sup>4</sup> этаже доходного дома по улице Мартир, то есть Мучеников, поднимающейся к своему тезке Монмартру, Холму Мучеников, появилась какая-то старуха в потертом капоре и бархатном мантио (судя по виду, их носили без скиду с тех времен, когда Наполеон Бонапарт основал свою империю) и принесла первую заметку, подписанную псевдонимом Лукавый Взор. Но этот псевдоним отнюдь не принадлежал старухе: она была всего лишь курьером. Ей заплатила за доставку заметки «какая-то щедрая и очень нарядная дамочка».

Маленькая статейка оказалась написана прелестным, бойким, порой фривольным языком, вообще не нуждалась в

---

<sup>4</sup> Счет этажей во Франции отличается от нашего: первым у них считается тот, который мы называли бы вторым. Таким образом, фактически редакция находилась на четвертом этаже.

правке и решительно отличалась от любых бытовых заметок, которые печатались даже в самых популярных парижских газетах, ибо те заметки были, как правило, грубы и скандальны.

Интригующее название, как говорится, било по глазам. «*Святой Августин чистит перышки, или Что под туникой у весталки*». Речь шла всего-навсего о вывесках парижских магазинов – то есть о том, что ежедневно на глазах у всех и каждого. Однако Лукавый Взор взглянул на них с неожиданной стороны:

*«Гуляю по бульварам и от нечего делать рассматриваю вывески. Сплошь и рядом на них названия известных водовилей: „Железная маска“, „Красная Шапочка“, „Весталка“, „Волшебная лампа“ и проч. Прикидываю: в „Железной маске“, очевидно, продают карнавальные маски и костюмы для ряженых. Заглядываю в лавку и вижу... рулоны шелка, сукна, кашемира, кисеи, дорогих лионских шелков, называемых бурдесуа, и шелков дешевых, которые попросту именуют пудесуа.*

*Вот те на! Здесь, оказывается, торгуют тканями!*

*Иду дальше. Предположительно, в „Красной Шапочке“ должен обосноваться шляпник. Ничуть не бывало! Здесь изобилие ботинок, башмаков, бальных туфель, сапожков для верховой езды – и прочих облачений для прелестных дамских ножек.*

*Продолжаю свой променад довольно долго и вот что вы-*

ясняю: над лавкой мясника красуется букет увядших гвоздик и вывеска „На добрую память“; „Три девственницы“ символизируют мастерскую по пошиву военных мундиров; у „Святого Августина“ обновляют старые перья для шляп; „Ангел-хранитель“ отправляет посылки за границу; „Монах“ полами своей рясы прикрывает вход в сладостно благоухающую лавку по продаже „летучего масла“<sup>5</sup>, помад, румян и прочей парфюмерии... Но поистине сногшибательное открытие ожидает меня в „Весталке“. Здесь я обнаруживаю самые таинственные предметы дамского туалета: те, которые открыты только скромному взору мужа или нескромному – любовника. Несчитанное множество кружевных, шелковых, батистовых штучек! Корсеты, сорочки, лифы, даже – ах, простите, – drawers!<sup>6</sup> Вынужденно прибегаю к английскому слову, дабы не оскорблять взор моих читательниц, так как известно (а если кому-то неизвестно, самое время узнать!), что, несмотря на приказ парижского префекта от 1730 года, их ни за что не наденут те, кого англичане называют filthes<sup>7</sup>... не осмеливаюсь привести французский синоним... ну а фланируя по парижским улицам, они обычно отзываются на странные прозвища: Крыска, Толстая Ляжка, Мохнатка, Глубокая Корзинка. Однако в последнее время многие затосковали по изыс-

---

<sup>5</sup> От франц. huile volatile – одно из наименований духов.

<sup>6</sup> Drawers – панталоны (англ.).

<sup>7</sup> Filthes – женщина легкого поведения (англ., устар.).

канности и сделались тезками героинь любовных романов или модных опер. Теперь они Аманды, Пальмиры, Лодоиски, Сидонии, Аспазии, Армиды... Но эти имена – не более чем вывеска, яркая вывеска! Право слово, даже не знаю, кто будет разочарован сильнее: тот, кто узнает, что Святой Августин умеет чистить и красить перья, а весталка носит drawers, – или тот, кто в Аспазии обнаружит Толстую Ляжку, в Лодоиске – Мохнатку, а в Пальмире – Глубокую Корзинку, как это постоянно происходит с мсье П., владельцем „Весталки“. Самыми прибыльными его клиентками являются именно эти красотки, которые обнажают перед мсье П. свои „мохнатки“ и открывают свои „корзинки“, чтобы он, в свою очередь, открыл им кредит на покупку „летучих масел“ и прочего».

Нахохотавшись, Араго и его сподвижники решили предоставить возможность повеселиться всем своим читателям. И не прогадали. Тираж очередного выпуска «Бульвардье» расхватали мгновенно! Редакция втихомолку молилась, чтобы загадочный Лукавый Взор снова дал знать о себе.

И молитвы эти были услышаны.

Спустя неделю, опять же в пятницу, чертыхаясь и отдуваясь, на третий этаж взобрался почтенный ветеран, еще помнивший победное солнце Аустерлица. Ему передала свернутый вчетверо листок скромная бенедиктинка<sup>8</sup>. Успех этого

---

<sup>8</sup> Бенедиктинка – монахиня католического ордена святого Бенедикта.

материала Лукавого Взора, посвященного предприимчивым парижанкам, которые успешно заменяют мужчин в любом роде деятельности, от торговли с лотка до развоза воды, от управления наемными экипажами до обладания игровыми домами, был столь же фееричным.

В следующую пятницу никто не появился; «бульвардье» приуныли. Однако еще через неделю тощий капуцин<sup>9</sup> принес корреспонденцию якобы от уличной торговли. Теперь Лукавый Взор исследовал разницу между богатыми денди-буржуа и светскими львами, которые соревнуются, кто больше денег тратит для поддержания своего реноме. После этого парижский вокабуляр обогатился выражением «рыцарь камелии»: Лукавый Взор не забыл упомянуть, что самые отъявленные денди щеголяли камелиями в петлицах – самым дорогим цветком, да еще меняли его раз по шесть в день!

Потом появился полунищий студент, которому передала затейливо свернутый и обвязанный розовой ленточкой листок почтенная старушка... Ну и так далее, и так далее! Курьеры появлялись то еженедельно, то через две недели, они менялись, менялись описываемые ими отправители, однако прежним оставался псевдоним: Лукавый Взор. Прежним оставался и острый, ироничный, задиристый стиль заметок. Почерк автора был четким, хорошо разборчивым, но совершенно безликим. Такой бывает у опытных писарей. Иногда

---

<sup>9</sup> Капуцин – монах так называемого ордена меньших братьев капуцинов.

Араго не сомневался, что Лукавый Взор – это женщина, иногда казалось – нет, мужчина. Автор очень удачно избегал любых глаголов, которые могли бы выдать его пол. Но все же чем дальше, тем больше Араго верил, что Лукавый Взор – именно женщина!

Впрочем, кем бы Лукавый Взор ни был, его корреспонденции весьма прибавили «Бульвардье» популярности. Теперь в среду – день выхода свежего номера – уличные продавцы газет едва успевали выйти с очередным выпуском «Бульвардье», как распродавали товар и возвращались в типографию за новыми пачками.

Лукавый Взор заставлял парижан взглянуть на их привычное житье другими глазами. Ну и посмеяться обитатели французской столицы всегда были горазды. Вообще их неисребимой особенностью издавна было острое любопытство ко всяким, даже самым ничтожным происшествиям, от дерущихся собак до публичных казней на Гревской площади, переименованной в 1803 году в площадь Отель де Виль, Городской Ратуши. Причем парижане обожали не только смотреть на действо, но и судачить о нем. «Бульвардье» с помощью Лукавого Взора утолял эту потребность читателей посудачить. Раньше Араго использовал в основном материалы из иностранной и французской прессы, с которой знакомился чрезвычайно внимательно; более, а чаще – менее осторожные политические рассуждения, принадлежащие его собственному перу, разбавляли этот публичный меланж; одна-



ко поистине *лукавые* заметки Лукавого Взора придали газете особый шаловливый шарм. Иной раз Араго приходилось слышать хохот в какой-нибудь кофейне на Итальянском бульваре, и если он видел при этом газету в руках смеющихся, то не сомневался, даже не видя заголовка: это его газета!

Гонорар, переводимый Лукавому Взору, раз от разу увеличивался. Бухгалтер Конкомбр регулярно относил деньги в банк и отправлял на счет, имя владельца которого охраняла строгая банковская тайна. Понятно, что Лукавый Взор старательно заметал следы, и можно было голову сломать, пытаясь проникнуть в его инкогнито. То, что послания передавались столь сложным путем, как минимум через двух посредников, подтверждало: Лукавый Взор это свое инкогнито бережет и открывать его никому не намерен.

Но почему, почему Лукавый Взор так упорно бежит славы, почему не хочет встать в один ряд с самыми знаменитыми фельетонистами своего времени? На этот вопрос ответа не было. Араго иногда начинал тревожиться, не перемянут ли популярнейшие «Повседневность», «Сплетница», «Парижская газета», «Карикатура», «Всякая всячина»<sup>10</sup> этого таинственного автора, однако утешался тем, что невозможно переманить того, кого невозможно найти.

Сначала Араго был уверен, что Лукавый Взор принадле-

---

<sup>10</sup> Имеются в виду популярные в описываемое время парижские газеты «Quotidien» – «Повседневность», «La Gazette» – «Сплетница», «Journal de Paris» – «Парижская газета», «La Caricature» – «Карикатура», «Le Charivari» – «Шумиха» (*франц.*).

жит к числу людей насмешливых и беззаботных, ибо именно такова была тональность его заметок, однако с течением времени она изменилась: безобидная ирония сделалась жесткой, порой беспощадной, особенно когда речь шла о порядках, вернее, об отсутствии таковых в тюрьмах, о жуткой грязище на рынках и улицах, наконец, об эпидемии холеры, которая накрыла Париж и – особенно! – о тех, кто принес во Францию не только эту болезнь, но и, хуже того, начал влиять на буйные настроения в обществе: о «великих польских эмигрантах»<sup>11</sup>, которые считали, что весь мир обязан ополчиться на ненавистных им русских!

А поскольку Араго – по ряду только ему известных, но очень, очень весомых причин! – тоже осуждал этих воинственных и мстительных за чужой счет господ, популярность «Бульвардье» начала влиять на умозрения парижан. Увеличился поток читательских писем, больше стало посетителей, которые хотели бы поспорить с редактором. Консьержке мадам Нюнюш пришлось почаще окуривать свою конурку, общую лестницу и комнату редакции дымом можжевельника, который считался лучшим охранительным средством от холеры. Стол редактора и конторки сотрудников были завалены письмами, адресованными Лукавому Взору, а поскольку

---

<sup>11</sup> «Великой эмиграцией» называлась эмиграция в страны Европы и прежде всего во Францию поляков, потерпевших поражение в ходе Варшавского восстания. С 1795 года Польша входила в состав Российской империи. В ноябре 1830 года в Варшаве вспыхнуло антирусское восстание, которое было подавлено в 1831 году.

передать их по назначению не представлялось возможным, Араго решил публиковать самые интересные из них в газете. Благодаря этому «Бульвардье» начал выходить дважды в неделю...

Однако, как бы ни складывались обстоятельства, каждую пятницу, лишь только фарфоровый Вашерон-Константен начинал громко хрипеть, готовясь пробить полдень, а неподалеку, на колокольне недостроенной церкви Нотр-Дам-де-Лорет, начинали звонить к обедне, все сотрудники газеты «Бульвардье» немедленно доставали еще и карманные «брегеты», чтобы сверить их, а потом нетерпеливо смотрели на дверь, готовясь увидеть нового посланника загадочного Лукавого Взора. И если никто не являлся, раздавался общий разочарованный вздох...

Однако на сей раз, точно с последним ударом часов, дверь в редакцию все-таки отворилась. На пороге появилась женщина, облаченная в глубокий траур. Лицо ее было прикрыто вуалью, руки прятались в бархатной муфте. Именно на эту муфту мгновенно обратилось внимание всех «бульвардье», решивших, что там лежит очередная корреспонденция от Лукавого Взора, а дама в трауре – очередной курьер.

Посетительница слегка присела в снисходительном подобии реверанса и сказала:

– Добрый день, господа. С кем я могу поговорить по важному и неотложному делу?

Едва уловимый мягкий и в то же время шипящий акцент звучал в ее речи.

– Я Жан-Пьер Араго, редактор, – представился главный «бульвардье», выходя из-за конторки. – Не соблаговолите ли присесть, мадам, и сообщить, чем мы сможем вам служить?

Заместитель редактора Вальмонтан, повинувшись жесту начальника, подскочил к даме и, подав ей руку, попытался проводить к довольно потертому креслу, которое носило название гостевого.

Дама, впрочем, осталась стоять и, поблагодарив Вальмонтана легким кивком, молвила, обращаясь к Араго:

– Убедительно прошу вас помочь мне встретиться с корреспондентом вашей газеты, который пишет под псевдонимом Лукавый Взор.

Вот те на! Так она не от Лукавого Взора?! Она сама его ищет? А все «бульвардье» аж дрожат от нетерпения получить новый материал!

Репортер Ролло, манеры которого, по общему мнению, хромали от того, что он больше других общался с людьми самого разного пошиба, причем далеко не всегда высокого, не сдержал насмешливого хрюканья, которое, впрочем, немедленно было замаскировано приступом кашля. Бухгалтер Конкомбр чуть ли не носом уткнулся в бумаги, лежавшие на его конторке, чтобы не уподобиться неделикатному Ролло и не оскорбить незнакомку смешком. Впрочем, лицо ее по-прежнему оставалось закрыто вуалью, поэтому если дама и

почувствовала себя оскорбленной, то ничем этого не показала.

— Очень сожалею, мадам, однако помочь вам не смогу, — покачал головой Араго. — Дело в том, что мы никогда не видели человека, который носит этот псевдоним, и не разговаривали с ним. Мы только получаем от него через курьеров материалы, которые читаем и отправляем в печать.

Дама молча смотрела на него сквозь вуаль.

— Но вы ведь платите ему гонорар, не так ли? — сказала она наконец. — И, когда он приходит за деньгами, вы должны его видеть!

— Господин Конкомбр, наш бухгалтер, еженедельно кладет деньги на банковский счет, принадлежащий нашему автору, — сообщил Араго, и Конкомбр подтвердил, ретиво кивая:

— Истинная правда. Мне известен только номер этого счета. Ничего более.

— Я очень сожалею, — повторил Араго. — Однако удовлетворить ваше любопытство мы не можем.

— Это не пустое любопытство, — ответила дама и медленным, осторожным движением подняла вуаль, которая свешивалась с полей ее маленькой шляпки с широкой тульей.

Такие шляпки были последним криком моды — Араго знал об этом благодаря разным милым дамам, которые пользовались его расположением и щедростью. Он еще успел подумывать о том, что щегольской фасон шляпки не слишком вя-

жется с траурной вуалью, однако в следующий миг увидел лицо гостьи – и на миг лишился дара речи.

Большие черные глаза, окаймленные длинными загнутыми ресницами, напоминали два удивительных влажных цветка. Вишневые губы и смоляные пряди, аккуратными буклями спускавшиеся вдоль щек, своей яркостью подчеркивали поистине алебастровую белизну кожи. Это было лицо удивительной, классической, безусловной красоты, но сильнее соразмерности черт поражало враз печальное и страстное его выражение.

Шумный восхищенный вздох, раздавшийся за спиной Араго, подтвердил, что точно такое же впечатление незнакомка произвела и на прочих «бульвардье».

Впрочем, инкогнито немедленно было открыто.

– Меня зовут графиня Стефания Заславская, – произнесла дама. – Я полька. И, несмотря на молодость, уже с тяжестью вдовьего траура, как видите. Мой муж погиб при обороне Варшавы от русских в прошлом году. Мне даже не довелось похоронить его. Мы полуголыми и босыми бежали из родной страны во Францию, которая нас приютила, накормила, поделила наше горе. Однако французы прижимисты. Они охотно сочувствуют нам на словах, но на деле у них трудно выпросить даже несколько франков. Я бы очень хотела, чтобы Лукавый Взор, обладающий блестящим слогом и удивительным даром убеждения, написал о нас, польских женщинах, беглянках, лишившихся родины, об их стра-

даниях. Написал о нас правдивые, а не язвительные, безжалостные, жестокие слова! И я готова все рассказать Лукавому Взору – рассказать о том, как мы покидали родину: измотанные морально и физически, при восьми градусах мороза, почти все без теплой одежды, полуголодные, двигаясь медленно продвигающейся вереницей, напоминающей похоронное шествие. Во Франции мало знают о той боли, которую испытали польские женщины, по вине русских потерявшие своих отцов, братьев, мужей. Мы остались одинокими в чужой стране. Нам приходится все начинать сначала. Среди нас есть люди, которым просто не на что жить. Мы проводим благотворительные базары и концерты, чтобы собрать для них средства. Я сама прекрасная вышивальщица и горжусь тем, что исколола себе пальцы иглой, делая вышивки для благотворительных базаров в пользу наших несчастных соотечественников в Париже!

Графиня воздела затянутую в черный шелк руку, видимо, подразумевая, что этот шелк скрывает исколотые пальцы, и этим закончила свою пылкую речь, однако несколько мгновений на ее лице еще держалось вдохновенное и в то же время трагическое выражение.

Коллеги Араго зааплодировали. Он тоже несколько раз хлопнул в ладоши (старательно скрывая иронию, поскольку не выносил никакого пафоса, тем паче столь аффектированного):

– Вы говорили очень впечатляюще, графиня. Я вам ис-

кренне сочувствую. И тем не менее мы ничем не можем вам помочь. Мы не знаем, где можно найти Лукавый Взор.

– Да зачем вам Лукавый Взор, мадам! – вскричал вдруг Ролло. – Поверьте, наш редактор пишет гораздо лучше! Если он расскажет о ваших бедах, это произведет переворот в общественном сознании!

Араго с ноября 1830 года был занят именно тем, что исподволь пытался произвести переворот в общественном сознании – правда, не в том направлении, которое могла ему указать прекрасная графиня, а прямо в противоположном. Ролло и прочие «бульвардье» об этом прекрасно знали. Однако сейчас выяснилось, что смазливая мордашка... ну ладно, будем справедливы: прекрасное лицо! – способно начисто вышибить у Ролло мозги.

При этой мысли Араго подавил вздох, потому что, при всем своем уме и при всех своих убеждениях, которым он не мог и не хотел изменить, он был всего лишь мужчиной, еще молодым и очень жадным до жизни, а трагическая и вместе с тем вызывающая красота графини Стефании взволновала и его.

«А может быть, согласиться на то, что предлагает Ролло? – мелькнула мысль. – Так можно подобраться к ней поближе. Она уже более полугода вдова. Она истосковалась по мужчине... По мужу? Духовно – может быть, по мужу, а вот телесно... – Араго на миг устыдился своего цинизма, но тотчас отмахнулся от вспышки стыда: – Я смогу затуманить ей



голову обещаниями, а *потом* их можно взять обратно или вовсе о них забыть».

Слово «*потом*» имело совершенно определенное значение, которое может разгадать любой мужчина, обуреваемый если не страстью, то похотью. К тому же Араго прекрасно знал о том впечатлении, которое производил на женщин. Милашек, которые прыгали в его постель или в чью постель прыгал он сам, насчитывалось немало. Араго мог считаться блистательным умельцем задирать нижние юбки, как называют бабников французы. Талант быть обольстительным и тешить не только свою, но и женскую плоть приносил ему большую пользу. И не раз нашему герою приходилось трудиться в постели ради того, чтобы разнеженная его ласками любовница шепнула ему то, что он хотел услышать, и это были отнюдь не страстные признания, а некие сведения, которые Араго необходимо было узнать и которые дама получила от другого любовника, оказавшегося чрезмерно болтливым. Не зря, ох не зря проституцию и журналистику называют двумя древнейшими профессиями! Впрочем, у Араго имелась еще одна профессия, которая поглощала его всецело: она тоже была одной из древнейших, и ради нее наш герой был готов на очень многое... вообще на все был готов.

В том числе и завести любовную игру с прекрасной графиней, которая «полуголая и босая» бежала из Польши, однако же носила на своей прелестной головке наимоднейшую из шляпок, а на ее плечи был накинут подбитый лебяжьем

пухом черный шелковый салоп с широченными, словно бы надутыми рукавами. Такие салопы набрасывали на себя самые отъявленные парижские модницы, отправляясь по вечерам в театры или на балы, но отнюдь не в полдень с визитом в какую-то там редакцию какой-то там газеты. Итак, графиня немало подвирает, однако... Араго, на миг опустивший глаза, увидел тонкие щиколотки, обтянутые черными шелковыми полусапожками, и мысленно сам себе подмигнул.

Эта дама, пусть она даже с головы до ног лжива, весьма пленительна с ног до головы!

У Араго с языка уже было готово сорваться обещание написать для прекрасной дамы все, что ей будет угодно, как вдруг дверь снова отворилась, и на пороге возник гамен<sup>12</sup> в лохмотьях, с грязными босыми ногами, в надвинутой чуть ли не на самый нос фуражке с облупленным козырьком. На вид этому дерзкому дитяти парижских улиц было не больше тринадцати лет, однако воинственному выражению его чумазой рожицы мог бы позавидовать любой обитатель темных улочек острова Сите, прибежища самых отъявленных парижских хулиганов – апашей.

---

<sup>12</sup> От *франц.* gamin – уличный мальчишка.

# Второе письмо Дмитрия Видова

## Писано в Страсбурге

### 20 октября 1808 года

*Жюстинушка, Устинька, жизнь моя! До сих пор не могу прийти в себя от роковой неизбежности нашего очередного расставания. До сих пор вижу твои глаза, полные слез и ужаса перед разлукой. Счастье, что не увидел в них упрека! Счастье, что ты оказалась настолько сильной, чтобы избавить меня от мучений совести хотя бы на ту минуту, когда я в последний раз обнял тебя. Одно утешает: я уезжал, но вернулся, уезжаю снова – и снова вернусь! Граф Толстой, нынешний посол наш, пообещал мне это совершенно определенно. Провожу его до Санкт-Петербурга, а потом явлюсь в Париж вместе с новым поверенным в делах<sup>13</sup>, которым, по самым достоверным сведениям, должен оказаться граф Нессельроде. Он расположен ко мне, он не откажет в этой жизненно важной для нас с тобою просьбе!*

*Но все же не могу не проклинать судьбу, которая нас разлучила, едва соединив. Ты ждала меня почти три года, несмотря на попреки отца и матери, отринув все ухаживания благонадежного и добронравного мсье Бовуара. Иногда*

---

<sup>13</sup> Поверенный в делах – дипломат, временно исполняющий обязанности главы дипломатического представительства.

мне жаль его, а за себя я счастлив! Ты моя, ты моя, а Бовуар остался с носом! Мы с тобой встретились и поняли, что наша тайная любовь не погасла в разлуке, подобно искре, а превратилась в пылающий костер, пламя которого нас зажгло... зажгло нашу страсть.

Поверь, минута нашего прощания – это была невыносимая минута! Чудилось, что, расставаясь с тобой, я сам вырываю сердце из своей груди. То, что произошло между нами несколько дней назад, те доказательства любви, которые ты мне дала, потрясли меня и сделали твоим вечным рабом. Как порядочный человек я не должен был уезжать, я должен был немедленно жениться на тебе! Но это требовало времени. Это требовало бы перемены религии для тебя или меня... На все формальности понадобились бы недели и месяцы, которых у нас не было.

Устинька, ах, если бы я мог увезти тебя с собой! Но выправить тебе документы на выезд в такой короткий срок было бы невозможно. Ты жена моя в сердце моем, и ты понимаешь, что я не мог пренебречь своими служебными обязанностями даже ради любви. Я должен, я обязан был сопровождать графа Толстого, который пребывал вне себя от отчаяния, поскольку был отозван по настоянию Наполеона! Конечно, антифранцузская позиция российского посла не могла быть приятна этому гордому императору... Ты осознавала необходимость моего отъезда, когда говорила, что будешь ждать меня. Я счастлив твоим благоразу-

мием, твоим пониманием того, что служба и преданность Отечеству значит для русского человека.

Путь наш проходит безрадостно. Ох уж эти беспрестанно разверзающиеся небеса, с которых льет и льет по-зимнему холодный дождь. Даже не помню, когда были сухими мои сапоги и моя одежда. Иногда я даже рад, что тебя нет здесь и ты не терпишь все эти лишения, все эти опасности. Беспокойство за твою жизнь сделало бы мой путь совершенно невыносимым.

Но судьба переменчива, я вернусь – и мы все начнем заново! А пока... пока остается нам надеяться только на поддержку твоего отца, дай ему Бог доброго здоровья, и на нашу неизбывную любовь друг к другу. Сердца наши всегда будут биться слитно, как бы далеко мы ни находились друг от друга!

Страсбург – последний французский город, откуда я могу отправить почту с надеждой, что она достигнет Парижа...

Не могу заставить себя сказать безвозвратное «прощай»! До встречи, моя любовь, – надеюсь, до скорой встречи.

Тайный супруг твой – Дмитрий Видов.

# «Бамага» от лукавого взора

## Париж, 1832 год

– Кто здесь Араго? – хриплым простуженным или прокурненным басом спросил малец, почесывая одну грязную ногу о другую. – У меня к нему бамага.

– Это я, – шагнул вперед редактор. – Что за *бамага*? От кого?

– Да ты небось грамотный, – хмыкнул гамен. – Сам прочитаешь, от кого. Она сказала, что ты сразу поймешь.

– Она? – резким, даже каким-то режущим голосом воскликнула графиня Стефания, подавшись вперед. – Кто именно?

– А твоя какая забота? – презрительно покосился на нее из-под козырька мальчишка. – Неужто не знаешь, что любопытной кошке усы прищемили немножко?

– Повежливей с дамой, мой юный друг! – прикрикнул Араго. – Ну, кто тебе письмо передал?

Мальчишка хмыкнул, чуть сдвинул назад фуражку и хитро прищурился.

Араго понимающе кивнул и достал из кармана серебряную монету в 25 сантимов, то есть в четверть франка.

Глаза мальчишки радостно блеснули. Чумазая ручонка цапнула монету и утопила ее в лохмотьях, а потом пошари-

ла в их глубинах и протянула Араго сложенный вчетверо и запечатанный облаткой листок.

– Бамагу писал ентот ваш, как его, Лукавый Взор, – снисходительно сообщил гамен. – А передала мне ее тут недалеко, на Оливье<sup>14</sup>, одна прехорошенькая нана<sup>15</sup>. Сказала, что от Лукавого Взора, разъяснила, куда идти, – да ускакала, юбочонку подобрав и ножек не замарав. Ох, прыткая нана! Сразу видно, нашенская, не из тех, что в экипажах разъезжают, грязью народ забрызгивая! Ничего, доезятся они, ох доезятся!

Он бросил презрительный взгляд на графиню и засвистел бессмертную «Ça ira»<sup>16</sup>.

За конторками слышались с трудом подавляемые смешки.

Намек поняли все. Только в богатых частях города и на бульварах были устроены протечные фонтаны, которые очищали сточные канавы. А вообще-то на большинстве парижских улиц царила изрядная грязь, и после дождей она становилась почти непролазной. Кухарки не стеснялись выплескивать из окон помой и выбрасывать мусор. Кое-где про-

---

<sup>14</sup> В романе приведены те названия парижских улиц, которые существовали в описываемое время. Они не всегда соответствуют современным. Бывшая улица Оливье теперь называется Шатодан.

<sup>15</sup> *Нана* – девушка (*франц. аргю*).

<sup>16</sup> «Ah! ça ira», «Да, так пойдет!» – одна из самых знаменитых песен Великой французской революции; до появления «Марсельезы» была неофициальным гимном революционной Франции.

хожие буквально пробирались по заваленным нечистотами тротуарам. Однако приходилось признать, что урожденные парижанки были в этом истинными мастерицами. Как серны, перепрыгивали они с камешка на камешек, с сухого места на сухое, приподняв юбки, едва касаясь до мостовой кончиком носка, – и умудрялись приходить домой, не замарав башмачков. Конечно, таким умением обладали только простолюдинки, но отнюдь не аристократки, к услугам которых были собственные кареты или наемные фиакры!

– А что ж ты с опозданием пришел? – удивился Араго. – Посланцы Лукавого Взора ровно в полдень появляются. А сейчас уже почти половина первого.

– Скажи спасибо, что вообще добрался сюда, – буркнул мальчишка. – Ко мне привязался тут один *поляк*, – произнес он с таким выражением, что Араго с трудом сдержал смех.

Обычно французы называли представителей этой нации полоне – мужчин или полонез – женщин<sup>17</sup>, а слово «поляк» было таким же презрительным прозвищем, как, например, «макаронник» или «таракан» – для итальянца, «островная обезьяна» или «ростбиф» – для англичанина, «кислая капуста» или «бош», то есть деревянная башка, – для немца.

– В шапке он был такой рогатой, этот *поляк*, – продолжал мальчишка. – Я его недавно на одном сборище видел. Он там орал: скупые французские лягушатники мало денег нам

---

<sup>17</sup> Polonais – поляк, поляки, polonaise – полька, polonaises – польки. Pologne – Польша (*франц.*).



дают, не хотят против русских воевать за великую Полонь и ее свободу. Я ему в ответ крикнул, мол, если вам здесь что-то не нравится, так валите обратно в свою великую Полонь. За это он меня чуть не прибил. И надо же: я только сюда, на Мартир, свернул, а он возьми да появись, как волос в супе! Пришлось ноги уносить, петлять, чтобы со следа его сбить. Потому я и опоздал.

– Ну что ж, спасибо, Тибо, – кивнул Араго. – Удачи тебе!

– Я не Тибо, а Базиль, – фыркнул гамен. – А ты откуда знаешь Тибо? Он еще мелкий совсем, но тоже на площади Бастилии, в слоне<sup>18</sup> живет. Там многие из наших приют находят!

Араго на миг прикрыл глаза. Почему вдруг возник в памяти Тибо? Маленький храбрец гамен, который спас жизнь некоему русскому гусару – восемнадцать лет назад! И еще там была одна девочка...

Но тот, давний, Тибо погиб!

А она, та девочка? Какова ее судьба?..

– Счастливо оставаться! – прервал его мысли голос мальчишки, который уже исчез за дверью.

«И тебе счастливо, малыш Тибо, – мысленно пожелал Араго. – То есть Базиль, конечно Базиль!»

Араго сорвал облатку<sup>19</sup> (это было что-то новое: прежде

---

<sup>18</sup> *Слон* – имеется в виду полуразрушенная статуя слона, находившаяся на Бастилии в описываемое время.

<sup>19</sup> *Облáтка* – маленький кружок из смазанной клеем бумаги, которым запеча-

Лукавый Взор никогда письма не запечатывал, в лучшем случае веревочками или ленточками обвязывал), развернул листок, но успел бросить на него один только беглый взгляд: графиня вскрикнула, зажмурилась и покачнулась, делая неловкие движения руками, словно боялась упасть и не знала, за что схватиться.

Да ведь прекрасная дама, кажется, вот-вот лишится чувств!

Араго мгновенно спрятал кое-что за борт сюртука, метнулся к Стефании и подхватил под локоть:

– Что с вами, мадам? Присядьте, прошу вас. Ролло, воды! – прикрикнул он, пытаясь увлечь красавицу к креслу.

Репортер проворно кинулся за ширму, где на этажерке стояли кувшин с водой и несколько бокалов. Через миг он вернулся, от волнения расплескивая воду через край.

– Ах нет, – слабым жестом отстранила его графиня, хватаясь за руку Араго и делая шагжок от кресла. – Не нужно воды. Мне просто душно. Нельзя ли глотнуть свежего воздуха?

– Вальмонтан, откройте окно, – приказал Араго, беря у Ролло бокал и одним глотком его осушая. У него и самого закружилась голова от того, что он успел увидеть в письме! Однако, быстро овладев собой, Араго все же подвел вцепившуюся в него гостью к благословенному сквозняку.

Графиня слегка высунулась в окно; одной рукой она опиралась на подоконник, другой обмахивала себя, будто вее-

ром. Араго, поддерживая прекрасную даму, невольно взглянул поверх ее плеча.

Какой-то широкоплечий, кряжистый человек в короткой куртке, вытертой и заплатанной до такой степени, что ее первоначальный цвет невозможно было определить, и в потертой бордовой шапке с приплюснутым четырехугольным верхом прислонился к фонарному столбу.

Араго нахмурился. Носители таких странных, как бы слегка рогатых головных уборов появились в Париже в конце минувшего года и страшно бесили главного «бульвардье».

Точнее сказать, он их люто ненавидел. Так же, как и Тиббо... то есть Базиль, конечно Базиль.

А что, если под окном стоит тот самый «волос в супе», который преследовал Базиля? Тогда надо предупредить мальчишку.

Тем временем человек в рогатой шапке зевнул, поднял глаза и увидел графиню Стефанию, высунувшуюся в окно и обмахивающую себя ладонью. Растерянно уставившись на прекрасную даму, он неловко затоптался на месте, а потом вдруг по-заячьи кинулся в сторону и замер за выступом стены.

Через мгновение чумазый Базиль вышел на Мартир, вприпрыжку побежал по ней вниз, к улице Сен-Лазар, Святого Лазаря, и скрылся за поворотом.

Араго с тревогой смотрел ему вслед, но за мальчишкой никто не погнался. Наш герой облегченно вздохнул и веж-

ливо спросил:

– Вам не холодно, мадам? Весенний ветер опасен, да и миазмы холеры, как говорят, еще могут носиться в воздухе.

Графиня отпрянула от окна, словно невзначай прижавшись при этом к главному «бульвардье», улыбнулась, подняла опущенные ресницы – и прекрасные черные глаза, чудилось, погладили его по лицу. Мимолетно Араго заметил тщательно заретушированные морщинки на ее лице, подумал, что графиня далеко уже не юная девица и даже молодой женщиной ее не назовешь: ей, конечно, за тридцать, пожалуй, лет тридцать пять – тридцать шесть, однако она была из тех дам, которых сравнивают с хорошим выдержанным вином... конечно, пока вино не превратилось в уксус, а дама – в старуху.

Словом, наш тридцатишестилетний герой ничего не имел против интрижки со своей ровесницей!

– Мне уже лучше, – шепнула графиня застенчиво. – И, право, я стыжусь, что отвлекла вас от дела. Вы даже не прочитали письмо Лукавого Взора...

– А там не было никакого письма, – усмехнулся Араго, отводя ее от окна и не замечая, что человек в рогатой шапке выскочил из своего укрытия, увидел, что проем окна наверху опустел, и кинулся в том же направлении, в котором убежал Базиль. Это увидел Ролло, закрывавший окно, но значения случившемуся никакого не придавал, потому что был поглощен завистью к редактору и мечтал сам приобнять прекрас-

ную графиню. Он тоже ничего не имел против интрижек с «выдержанными, как вино» женщинами, даже если они были на десяток или даже полтора десятка лет постарше.

– Как не было письма? – изумилась графиня. – Но я же сама видела... да вот же оно! – И она кивнула на стол редактора, где лежал листок бумаги с приклеенной к нему облаткой.

– Этот паршивец всучил мне пустой листок, – пояснил Араго. – В лавке такой стоит один сантим, облатка по той же цене. Я дал ему четвертак. Ну что ж, этот чумазый коммерсант легко заработал на мне двадцать три сантима! Осталось только узнать, как он мог проведать, что я жду корреспонденцию от Лукавого Взора.

Графиня уставилась на стол с таким растерянным видом, что Араго стало смешно.

Вальмонтан и Конкомбр настороженно выглядывали из-за своих конторок. Однако если кто-то из них и успел заметить, как редактор спрятал другой листок, до этого вложенный внутрь первого, этот кто-то благоразумно удержал язык за зубами.

– Пшекленьство<sup>20</sup>... – низким, горловым голосом протянула графиня. – Экий же негодяй!

Араго ни на миг не усомнился, что сей эпитет предназначался отнюдь не гамену. Слово «пшекленьство» тоже не имело отношения к босоному мальчишке. Очаровательная Стефания, расчетливо прильнувшая у окна к Араго, не мог-

---

<sup>20</sup> Пшекленьство – проклятье! (польск.)

ла не расслышать хруста бумаги под сюртуком!

Впрочем, уличать обманщика и вообще как-то продолжать разговор она не стала, а лишь опустила резким движением вуаль – словно занавес закрыла, обозначая окончание спектакля, который только что разыгрывала.

Впрочем, Араго не терял надежды, что еще увидит занавес поднятым. Во всяком случае, ему этого очень хотелось... несмотря ни на что. Свою репутацию пожирателя женщин, как французы называют умелых соблазнителей, он готов был подтвердить в любой удобный момент!

– Ну что ж, господа, я прощаюсь с вами, – холодно изрекла графиня. – Не соблаговолит ли кто-нибудь из вас найти для меня фиакр?

Ролло метнулся вперед так проворно, что чуть не сбил с ног своего редактора, который, Впрочем, никуда не спешил.

– Позвольте мне! – чуть ли не жалобно выпалил молодой человек, и дама снисходительно кивнула.

Потом сделала небрежное подобие реверанса и шагнула было к двери, однако тут же полуобернулась к Араго и бросила:

– По воскресеньям я устраиваю небольшие приемы. Буду рада видеть вас у себя, господин Араго. Я живу почти напротив площади Вогезов. Серый особняк в ампас Вьё Пюи, в тупике Старого Колодца<sup>21</sup>. Милости прошу. Прощайте, гос-

---

<sup>21</sup> *Тупик* – довольно распространенное во Франции название маленьких проулков, в которые можно попасть только с одной стороны.

пода.

Господа ответили разноголосым любезным мычанием.

Араго промолчал, только на миг сильно, до боли стиснул зубы.

Серый особняк в тупике Старого Колодца, почти напротив площади Вогезов... Какое пугающее совпадение!

Несколько мгновений с лестницы доносился скрип ступенек, потом он затих, что означало: графиня и Ролло уже внизу. Переглянувшись, Вальмонтан и Конкомбр кинулись к окнам да так и прилипли к ним.

Араго стоял неподвижно.

Решится ли он переступить порог особняка в тупике Старого Колодца, не вспоминая того ужаса, который некогда испытал в погребке этого дома?

– Нет, вы только поглядите на нашего Ролло! – ворвался в его мысли возбужденный визг тщедушного и плешивого Конкомбра, который относился к плечистому красавчику репортеру с почтительной и восхищенной завистью.

– Похоже, он немало преуспеет в высшем обществе! – ревниво просвистел сквозь зубы Вальмонтан.

– Высшее общество в наше время в тупике Старого Колодца уже не селится, как и вообще близ площади Вогезов! Он потерял былую популярность! – отрезал Конкомбр, который был дотошен до занудства во всем, от своих грессбухов до всевозможных тонкостей *comme il faut*<sup>22</sup>, и оглянулся

---

<sup>22</sup> *Comme il faut* – как должно быть (франц.).

на Араго: – А мне-то казалось, эта красавица строит глазки вам, мсье редактор!

– Мне тоже так казалось, – ухмыльнулся тот, снимая с вешалки свои редингот<sup>23</sup> и цилиндр.

– Смотрите, смотрите! – причитал Вальмонтан. – Появляется фиакр, Ролло подсаживает графиню... она протягивает ему руку через окно, он целует... целует ей руку! Ну и ну! Она ему что-то говорит и улыбается, ах, как она улыбается! Фиакр уехал, а Ролло стоит как дурак посреди мостовой!

– Поскольку мне не нравятся дураки, я уйду через черный ход, – заявил Араго, торопливо надевая редингот, необходимый в этом холодном мае, и беря трость. – Вальмонтан, сегодня вы запираете редакцию. Не забудьте погасить огонь в камине.

Араго, отвесив общий поклон, выскользнул в дверь, ведущую на лестницу для слуг.

Спустившись и открыв дверь во двор, он огляделся, не обнаружил ничего подозрительного и, зажав под мышкой трость, вынул из-под борта сюртука заветный листок. Когда Араго взглянул на него еще наверху, в редакции, в первый раз, то решил, что ему померещилось. Ну не может этого быть, не может!.. Теперь вышло, что не померещилось.

Письмо и в самом деле оказалось написано по-русски. Не слишком грамотно, со множеством ошибок, но по-русски!

---

<sup>23</sup> *Редингот* – верхняя одежда, нечто среднее между длиннополым сюртуком и приталенным пальто, очень модная в описываемое время.



Начиналось оно с обращения к некоему *господину гусару Д.*, и от этих слов у Араго перехватило дыхание.

Эти слова – «*гусар Д.*» – много значили для него. Очень много! Но откуда, черт возьми, откуда они были известны Лукавому Взору?!

\* \* \*

Он не мог оторвать настороженный взгляд от странного послания, а потому не обратил внимания на молодую женщину в сером платье и сером капоре, принакрытом, несмотря на прохладный день, всего лишь канзу такого же цвета<sup>24</sup>.

Женщина появилась в подворотне, несколько мгновений смотрела на замершего в недоумении главного «бульвардье», на дрожащий в его руке листок, а потом, легонько вздохнув, исчезла.

На улице Мартир она прижалась к стене, чтобы умерить биение сердца.

Араго ее не заметил. А если бы даже заметил, то не узнал бы. Уж сколько раз она сталкивалась с ним лицом к лицу, иногда случайно, иногда нарочно – и все напрасно! Конечно, Араго не мог вспомнить ее, они слишком уж давно не виделись, да и слишком уж она с тех пор изменилась, однако про-

---

<sup>24</sup> От *франц. canezou* – большая косынка или большой платок с длинными концами из легкой ткани или кружев. Канзу прикрывал шею и декольте дамы; иногда концы его завязывали на спине.

сто взглянуть с интересом, улыбнуться, как-то показать, что незнакомка его привлекает... Нет! Скользнет глазами рассеянно, а то и вовсе пройдет мимо не глядя.

Молодая женщина устало вздохнула. Эта давняя, эта безнадёжная любовь настолько ее измучила, что иной раз она чувствовала себя узницей, приговоренной к пожизненному заключению. И все же не могла сбросить эти чудесные путы. Да и не хотела.

Не хотела, вот в чем беда... Вот в чем счастье!

Она так глубоко задумалась о прошлом, что не сразу очнулась, услышав совсем близко торопливые, четкие мужские шаги.

Араго!

Ох нет, сейчас с ним никак нельзя столкнуться! На днях им предстоит встреча, и на той встрече он не должен ее узнать. Ни в коем случае! Слишком многое поставлено на карту!

Она нагнулась, сделав вид, будто поправляет расстегнувшийся башмачок, и не разгибалась до тех пор, пока Араго не прошел мимо и шаги его не стихли за поворотом.

Наконец молодая женщина выпрямилась и неспешно пошла в сторону бульваров, не без гордости размышляя, что выполнила очень немалую часть сложной задачи, которую поставила себе в своей одинокой войне – в той самой, которую она ведет против множества врагов. Араго получил ее письмо, прочитал – и, без сомнения, сейчас кликнет фиакр

и поедет туда, куда должен поехать. Он не раз будет менять экипажи, на всякий случай запутывая следы, и в конце концов подойдет к дому на фобур Сент-Оноре, предместье Святого Гонория, пешком, уже в темноте, скрытно, не с парадного крыльца, а через укромную калитку в ограде... И тот старый, высокомерный, дерзкий упрямец, к которому Араго сейчас направился, должен будет поверить письму, должен будет послушаться, несмотря на то, что считает себя неуязвимым. То-то взъярятся враги, которых она ненавидит и к которым подобралась так близко, как только могла, — то-то взъярятся враги, когда дерзкий старик улизнет от них!

До чего же ловко она придумала, что решила передать свое послание через Араго... Отправить по почте было бы неосторожно: письмо могло вообще пропасть, такое случилось, и во Франции только ленивый не бранил нерадивых почтальонов! Если же она сама пойдет к этому старому упряму, чтобы все рассказать, он, возможно, и поверит, но уже не выпустит ее. С него станется и под замок посадить! Ну да, он хочет спасти ей жизнь...

Но выйдет так, что это она спасет ему жизнь. А главное, хотя бы на время избавится от его хлопот и забот, которые ей только мешают.

Только бы этот излишне заботливый старый упрямец ни о чем не проболтался Араго...

Только бы не вздумал проболтаться! Конечно, он обещал. Но можно ли полагаться на его обещание?..

# История гусара Д. Россия, 1812 год

Семьи Державиных и Каньских – небогатых русских дворян и таких же небогатых шляхтичей<sup>25</sup> – издавна жили в Витебске. В описываемое время Державин-старший был городским полицмейстером, пан Каньский служил в управе письмоводителем. Общество в небольшом городе по пальцам перечтешь, вот семьи и сошлись; вдобавок Каньских и Державиных подружили сыновья. И Ванька, и Юлек были единственными детьми. Вместе выросли, вместе занимались с лучшими учителями, каких только можно было найти в Витебске. Отец Державина считался не только в этом городе, но и во всей округе до самого Смоленска первым фехтовальщиком и стрелком – он занимался с мальчиками боевым ремеслом. Мать Юлиуша, француженка, учила их своему родному языку и была очень довольна успехами: уверяла, что по выговору от подлинных французов не отличить что одного, что другого. Они были друзьями, и Ваньку ничуть не раздражало, когда его в доме Каньских звали Янеком, а Юлек только посмеивался, когда его у Державиных называли Юрочкой или Егорушкой.

Однако эта верная и, казалось бы, нерушимая дружба рух-

---

<sup>25</sup> *Шляхта* – привилегированное дворянское сословие в Польше.

нула в миг един.

Когда Наполеон приблизился к границам Российской империи, никому и в голову не могло прийти, что Витебск сдадут, что французы пойдут по России. Вернее, это не могло прийти ни в одну русскую голову! А вот в польскую очень даже приходило... 12 июня<sup>26</sup> 1812 года армия Наполеона перешла через Неман, а через два дня Ванька Державин, явившись к Юлеку и ожидая его, случайно увидел на столе листовку с таким текстом: *«Поляки! Вы служите под российскими знаменами. Эта служба была вам дозволена, пока у вас не было отечества. Но теперь все изменилось. Польша воскресла, и вам надо сражаться ради ее полного восстановления, ради того, чтобы заставить русских признать права, которые были у вас отняты несправедливостью и силой. Генеральная конфедерация Польши и Литвы отзывает всех поляков с российской службы. Польские генералы, офицеры, солдаты! Повинуйтесь голосу отечества: покиньте знамена ваших притеснителей, спешите все к нам, чтобы стать под знаменем ваших великих королей, Ягеллонов, Казимиров, Собеских! Об этом просит вас Отечество, повелевают честь и религия!»*

Ванька читал – и глазам своим не верил. Экая наглость! Наполеон призывает поляков, живущих на территории Российской империи, вступать в ряды французской армии! И позаботился о том, чтобы все поляки Витебска получили та-

---

<sup>26</sup> Здесь даны даты по старому стилю.

кие призывы! Неужели он рассчитывает найти здесь предателей?!

Ванька с отвращением разорвал листовку. В эту минуту за спиной послышались шаги. Он обернулся и увидел Юлека.

– Откуда это у тебя? – спросил Ванька, брезгливо отшвырнув обрывки бумаги.

– Зачем ты разорвал письмо нашего императора? – возмутился Юлек.

– Какого вашего императора, ты что? – изумился Ванька. – Это же листовка Бонапарта! Наш император – Александр Павлович!

– Так было несколько дней назад, – буркнул Юлек, собирая обрывки бумаги. – Уже 14 июня польский сейм объявил о восстановлении Королевства Польского. Нашим государем признан Наполеон. Ходят слухи, что Польша готова выставить сто тысяч человек в поддержку Великой армии. Как бы я хотел присоединиться!

– К Наполеону, что ли, присоединиться хочешь? – тупо переспросил Ванька.

– Конечно! – вдохновенно заявил Юлек. – Годами, конечно, я слишком молод, но, думаю, меня все равно возьмут, стоит только показать себя. Знаешь, как славно во французской армии служить? Каждому солдату отпускают табак, коробку с иглами, нитками, наперстками, ножницами, гребенкой, зеркалом, пуговицами, коробку с жирами для чистки, щетки для одежды, чистки сапог, лощения кожи, придания

блеска пуговицам, для белья, выбивания пыли, для оружия, перчатки, головные покрывки для ночи, носовые платки, салфетки! – Юлек так спешил перечислить все это, что даже закашлялся. – А какую еду дают! Вино, водку, парное мясо, копченую грудинку, бобы, чечевицу... – Юлек снова закашлялся.

– Не подавись слюной, – брезгливо сказал Ванька. – Не обедал, что ли? Думаешь, русские на голодное брюхо сражаются? Иголок у наших нет?

– Зеркал, думаю, уж точно нет, – ехидно ухмыльнулся Юлек.

– Да ничего, – пожал плечами Ванька, – можно и в лезвие сабли острой поглядеться, когда бреешься. А потом этой же саблей врагу голову снести! Я жизнь готов за нашего императора отдать, а ты за что отдашь? За иголки и жратву?

– Жизнь готов за вашего императора отдать? – прищурился Юлек. – Ну что ж, спасибо твоему отцу, что научил меня рубиться и стрелять!

Юлек не раз благодарил Якова Васильевича Державина за воинскую науку, искренне благодарил, однако сейчас его голос был пронизан злой насмешкой и такая же насмешка искажала лицо, блестела в глазах.

Ванька смотрел на друга – и не узнавал его. Юлека словно подменили...

– Неужто мы с тобой сойдемся в бою насупротив?! – ошеломленно пробормотал Ванька. – И что же, Юлек, ты смо-

жешь... сможешь драться со мной? А твой кузен Михал Петшиковский? Он ведь в нашей армии служит, в Литовском уланском полку! И с ним ты готов сражаться?

– Думаю, Михал недолго будет вам служить! А я, чтобы разбить москалей и восстановить исконные границы Речи Посполитой, измученной и оскверненной царицей Екатериной, готов на все! – выкрикнул Юлек.

И тут Ванька вспомнил, как старая-престарая, еще отцова нянька Пахомовна не любила Каньского-младшего – с самых детских его лет не любила! – как выходила из комнаты, едва он появлялся, как частенько бормотала себе под нос: «Оборотень, дьяволово семя...» – и украдкой плевала ему вслед. Пахомовну всерьез не принимали: иногда бранили, иногда смеялись над ней – считали, просто заговаривается, потому что была она стара, почти мафусаиловых лет<sup>27</sup>, как любил уточнять Державин-старший, и маленький Ванька, помнится, допытывался у Пахомовны, в самом ли деле живет она на свете почти тысячу лет. Словом, ее считали изрядно спятившей с ума, а после смерти старухи об этих чудачествах вовсе позабыли, и только сейчас Ванька вдруг понял – точно прозрел! – что Пахомовна-то была права. Она видела Юлека насквозь и пыталась остальных от него остеречь. Да неужели он всегда был таким, каким видит его Ванька сейчас?

Он не чувствовал злобы – ему было страшно. Испугал-

---

<sup>27</sup> *Мафусаил* – согласно Библии, один из праотцов человечества, прославившийся своим долголетием: он прожил 969 лет.



ся он, конечно, не решимости Юлека – испугался холодной ненависти, которую увидел в его глазах и которая исходила, казалось, из оледенелого сердца. Испугался того, как быстро Юлек из друга превратился во врага. Наполеона называли антихристом – значит, Юлек стал слугой антихриста... Но Ванькино-то сердце еще не оледенело, и он из самой глубины его вознес молитву Господу, чтобы тот образумил Юлека, чтобы вновь превратил его из злого оборотня – в человека.

Как выяснилось позднее, Господь то ли не услышал молитвы, то ли не обратил на нее внимания.

...Уже месяц шла война с наполеоновскими полчищами. Близ местечка Островное под Витебском кипели бои. Французы превосходили силой русские войска. Но когда графу Остерману-Толстому, командующему 4-м пехотным корпусом, доложили, что вражеской картечью и ядрами поражено большое количество пехоты, и спросили что делать, он решительно ответил: «Стоять и умирать».

Стояли и умирали под селом Куковячино, потом на берегах Лучосы. Но все же пришлось отступить. Главному арьергарду 1-й Западной армии под командованием графа Палена было поручено задержать французов на пути к Витебску и прикрыть отход армии. 15 июля подразделения лейб-гвардии казаков и два эскадрона Сумского гусарского полка остановили французских егерей и пехоту. Ночью по приказу Палена разожгли огромные костры – из-за этого Наполеон

до утра думал, что основные силы русских все еще остаются в Витебске и ему предстоит сражение с ними.

Сражение его не миновало-таки: 16 июля отступающий Пален устроил засаду, в которую попал авангард противника, – семь эскадронов французской кавалерии были разбиты.

Пока шли последние бои, из города спешно выезжали русские дворянские и купеческие семьи. В разгар сборов в дорогу умерла от сердечного приступа мать Вани, Ольга Семеновна Державина. Хоронили ее на кладбище возле Крестовоздвиженского собора, который так и назывался в народе Кладбищенским, Державин-старший и Ванька – вдвоем. Все знакомые русские уже покинули город, оставались только поляки, которые теперь если не вели себя с Державины-ми как с врагами, то изо всех сил сторонились их. Старшие Каньские отсиживались в своем доме, стараясь не попадаться на глаза бывшим приятелям; Юлек пропал – наверное, присоединился-таки к Наполеону.

– Разорят ведь могилку, твари поганные, захватчики, – пробормотал сквозь слезы Яков Васильевич. – Всё здесь разорят! Милая, миленькая, прости, что покидаем... и вы, родимые, простите!

Ванька, тоже плача и сердито утирая глаза, огляделся, чтобы в свой черед попросить прощения у родных: двух бабушек и двух дедов – с отцовой и материнской линии. Ограда, в которой хоронили умерших Державиных и Константиновых (родителей матушкиных), соседствовала с одинокой

могилкой. Ванька навещал своих на кладбище нередко, а потому знал, что в той могиле похоронен какой-то человек по имени Дмитрий Видов, умерший около четырех лет назад, в конце ноября 1808 года. Больше ничего на кресте написано не было, никакого звания, и даже отчества не указали, и когда родился этот Дмитрий Видов, не потрудились обозначить, однако Ванька почему-то не сомневался, что так мало написали о нем на кресте не из небрежения, а по каким-то другим причинам, может быть, секретным и во всяком случае непостижимым для такого простого человека, каким считал себя Державин-младший. Конечно, Ванька был великим выдумщиком и, вполне вероятно, ничего из этой очередной его выдумки действительности не соответствовало, однако ему нравилось думать именно так. Приходя навещать своих, следя за порядком на их могилах, он присматривал и за последним обиталищем Дмитрия Видова, и сейчас, прощаясь с матерью, дедами и бабушками, Ванька прощался и с этим незнакомым человеком и давал всем клятву, что вернется рано или поздно в родной город, освобожденный от врага, и отслужит по дорогим покойникам панихиду. По всем, в том числе и по Видову. Обязательно отслужит!

С трудом ушли Державины от могил и в тот же день покинули город, по пути примкнув к уходящим русским частям: в безвременной смерти Ольги Семеновны они винили французов и хотели не только Родину защищать, но и мстить за безвременную смерть самого дорогого для них обоих и са-

мого любимого ими человека.

Сумской гусарский полк, который причинил немалый урон французским егерям, был уже крепко потрепан, понес многие потери и не отказался от вступления в его ряды человека, имя которого было чуть ли не каждому известно в этих краях: Якова Державина. Полковник Делянов, который принял командование над Сумскими гусарами после того, как был тяжело ранен их прежний командир, полковник Канчиелов, тоже слышал о знаменитом фехтовальщике Державине. Вместе с отцом приняли и сына, который немедленно показал себя в бою.

Было ли Ваньке страшно?... Как же иначе! Он еще не бывал в битвах и не мог составить себе о них сколько-нибудь ясного представления. Ему казалось, что все сходящиеся должны непременно погибнуть, что каждое ядро или каждая пуля непременно убьет или ранит человека, а потому сомневался, что и ему, и отцу удастся уцелеть. При взгляде на солдат, которые, казалось, с нетерпением ожидали боя, а значит, смерти, он чувствовал себя самым последним трусом. Но совсем уже скоро Ванька на собственном опыте постиг, сколько правды крылось в суровых, даже беспощадных словах отца, сказанных накануне сигнала трубы, зовущей на битву: «Не бойся смерти, сын. Страх тревожит сердце молодого солдата только до вступления в сражение, когда еще внимание его на свободе занято воображаемыми или зримыми ужасами смерти, этой трагедии, которую разыгрывают

перед ним другие, производя на него тягостное впечатление; но когда он вступил в битву, страх заглушается ожесточением. Солдат, жертвуя тогда собой, делается сам действующим лицом, и смерть перестает пугать его: сердце пылает, он презирает опасность и делается как будто бесчувственным. Тут человек как бы выходит из сферы обыкновенного существования своего: и тело его, и душа исполняются необычайных, порою сверхъестественных сил!»

Всю эту теорию Ванька Державин постиг на практике в своем первом бою, а потом не единожды проверял.

Позднее Державины в составе своего полка при Бородине сражались у Багратионовых флешей и у батареи Раевского против Сен-Жерменских кирасир. Потери с обеих сторон были огромны, из Сумских гусар мало кто остался невредим. Полковник Делянов был тяжело ранен и вскоре умер. Яков Васильевич Державин остался лежать на Бородинском поле среди крепко изрубленных французов. Там его и похоронили вскоре в одной из многочисленных братских могил. Раненого Державина-младшего (его уже никто не называл Ванькой – звали Иваном или даже Иваном Яковлевичем, с особым уважением) без сознания увезли в походный госпиталь. Хотели было отправить в Москву, однако он вскоре пришел в себя и наотрез отказался туда ехать, да и слава богу, не то попал бы к французам, которые вошли в российскую столицу почти через две недели после достопамятной битвы.

Начался сентябрь. Наполеон обосновался в российской

столице. Наши войска стояли на месте, выжидая.

Раненая нога Ивана Державина заживала плохо: жар не спадал. Хирург, главный лекарь госпиталя, грозил неминуемым антоновым огнем, твердил про необходимую ампутацию, но юноша не соглашался, хоть и горел в жару, а ногу словно бы черти когтями рвали и шел от нее дурной дух гниения.

– Умереть хочешь? – наконец, не выдержав, выверился хирург. – Завтра прикажу связать тебя и сделаю, что должно! Понял?

И ушел.

Настала ночь. Иван не спал: то к смерти готовился, то пытался представить свою новую жизнь – бесславную, с деревяшкой вместо быстрой, сильной и проворной ноги, – стискивал зубы, утирал слезы, а когда одолел его сон, явился к нему незнакомец с усталым, изможденным лицом, голубыми глазами и русыми волосами. Лоб его почему-то был перевязан черной лентой.

– Не узнал меня? – спросил он.

– Нет, – шепнул Иван. – А вы кто?

– Дмитрий Видов, – назвался этот человек. Голос его звучал словно бы издалека и отдавался эхом. – Помнишь, ты крест на моей могиле поправлял да дерном ее обкладывал? Спасибо тебе за это.

Иван похолодел так, что потянул на себя кожух, которым положено было укрываться, да только он, от жара маясь, ко-

жушок этот то и дело сбрасывал. И вдруг осознал, отчего озяб: да ведь от ночного гостя веет мертвенной стужей! Уж не простая ли это черная лента, а венчик, которым перевязывают лоб покойнику?..

– Не бойся, – сказал Дмитрий Видов. – Ты не умрешь и ноги не лишишься. Утром жар схлынет, рана твоя заживет, ногу сохранишь.

– От-ткуд-д вы знает-те? – простучал зубами Иван.

– Мне обещано было, – ответил гость.

– Кем? – удивился Иван.

Дмитрий Видов промолчал, только значительно повел глазами куда-то вверх.

– Вы за меня просили, что ли? – прошептал Иван, не понимая, а вернее, боясь понять, что значит этот взгляд. – Но почему?!

– Потому что ты мне душу облегчишь. Снимешь горькую боль, которая гнетет меня тяжелее могильной земли, на мой гроб насыпанной. Ты спасешь мою дочь, а она тебя спасет. Так меж вами и поведется... Я-то помочь никому не смогу. Ни дочке, ни Устиньке моей любимой. Боль и тоска угрызает, и это хуже адских мучений. Вот я и умолил, чтобы тебя спасли. Отрадно было мне тебя видеть, когда ты на погост приходил. Может быть, заживись я на свете, у меня еще и сын родился бы. Хотел бы я такого сына, как ты! Ты человек добрый и храбрец... Так что не забывай моей просьбы. Не забывай. Клянись, что не забудешь!

– Не забуду, – кивнул Иван, окончательно переставая понимать, что происходит, во сне или наяву явился к нему человек с черным венчиком на лбу. – Но как ее зовут, вашу дочь? Где ее искать?

Дмитрий Видов слабо усмехнулся:

– Сама найдется. Ты только не оплошай!

Вдруг кто-то взял Ивана за руку, и юноша проснулся. Вместо Дмитрия Видова перед ним стоял тот самый хирург, который грозился поутру повлечь его на операционный стол связанным. При нем не было никаких веревок, а была только глиняная плошка со свечкой.

– Тебе холодно, что ли? – спросил главный лекарь с изумлением. – Гляжу, кожушок натянул...

– Холодно, – хлопнув глазами, согласился Иван.

– Жар спал, – удивленно покачал головой хирург, трогая его лоб. – Что за чудеса чудесные? А ну дай ногу гляну.

Он помог Ивану сесть и сунул в его руки плошку, а сам осторожно снял с раненой ноги повязки. Долго смотрел на рану, наклонился, понюхал ее, ощупал ногу вокруг – и наконец поднял на Ивана ошалелый взгляд:

– Может, мне кажется? Может, мерещится?

Несколько раз быстро перекрестился, еще раз оглядел рану и спросил:

– Ты именем какого Иоанна крещен?

– Предтечи. Родился в ночь на 25 мая – на обретение гла-



вы Крестителя<sup>28</sup>.

– Неисповедимы пути Господни, – сказал главный лекарь и перекрестился. – Предтеча Божьим промыслом усекновенную главу обрел, а ты – ногу. Молись за него денно и нощно.

Иван кивнул, но в своих благодарственных молитвах первым вспоминал все-таки святого Дмитрия Солунского, а уж потом – Иоанна Крестителя.

Он пошел на поправку так быстро, будто не гнил заживо добрых (то есть недобрых, конечно!) две недели. Главный лекарь признал, что ошибся, недооценил крепкий организм молодого гусара.

Иван собирался вернуться к своим однополчанам, однако не знал, сохранился ли полк Сумских гусар или его расформировали. Пока наводил справки, настал октябрь, и в первых же его числах пришла весть о том, что армия Наполеона выходит из Москвы. В это же время Иван узнал, что капитан Александр Никитич Сеславин, которого он помнил по отступлению от Витебска как адъютанта командующего 1-й армией генерала Барклая-де-Толли, начал собирать партизанский конный отряд, чтобы бить отступающего француза и с тылу, и с флангов, и в лоб маневренней и жесточе, чем регулярные войска, – собирал он этот отряд из остатков Сумских гусар, которые понесли огромные потери при Бородине.

---

<sup>28</sup> Дата указана по старому стилю. В этот день в достопамятные времена была найдена (обретена) отрубленная голова Иоанна Крестителя (Предтечи) – святыня православия.

не. Именно разведка Сеславина сначала донесла о дне, когда Наполеон собирался покинуть Москву, а потом и уточнила путь, по которому отправились французы. Это была Старая Калужская дорога.

Привез весть сам Александр Никитич, явившийся в госпиталь навестить друзей-однополчан, а заодно и Ивана, потому что знал обоих Державиных: и отца, и сына. Сеславин был невысокий, но крепкий, широкоплечий, даже с виду сильный, словно Геркулес, с буйно-кудрявой, давно не стриженной головой и усами, которые он то и дело норовил подкрутить, да никак не удавалось, ибо они были короткими и жесткими.

Сеславин позвал Ивана в свой отряд, объяснив задачу:

– Наш супостат пошел на Калугу. Думает прорваться на Боровскую дорогу, выйти на юг России и там устроить себе зимние квартиры. А Кутузов хочет повернуть его на Старую Смоленскую дорогу. Пусть Наполеон валит отсюда тем же путем, которым пришел в Россию, теми же деревнями, которые выжег и вычистил. А мы станем его угрызать со всех сторон, гнать, не давая передышки, не позволяя свернуть на лесные затаенные тропы, не давая мародерам пограбить в тех деревнях и имениях, которые еще уцелели. Ну и, конечно, будем бить врага без пощады!

Конечно, на другой же день Иван присоединился к отряду Сеславина. В дальнейшем все вышло так, как пророчил командир партизанских соединений. Под Тарутином дорогу

французам преградила русская армия. Французы, привыкшие к тому, что неприятель отступает, теперь были поражены неистовством нападения, приходили в ужас от ярости, увлекавшей вперед русских во время атак, и боевой дух захватчиков изрядно падал.

Наполеон попытался вильнуть на Новую Калужскую дорогу, однако Кутузов навязал ему бой под Малоярославцем, и в конце концов французам ничего не оставалось, как тащиться по Старой Смоленской дороге – навстречу неумолимо наступающей зиме.

Однако пока шумел осыпающейся листвой октябрь, леса еще не оголились – и конникам Сеславина было нетрудно близко подобраться к врагам, чтобы громить команды французских фуражиров или отставшие от обозов отряды. Поэт Василий Андреевич Жуковский в стихотворении «Певец во стане русских воинов» напишет:

Сеславин где ни пролетит  
С крылатыми полками,  
Там брошен в прах и меч, и щит  
И устлан путь врагами!

Иван Державин был горд, что находился в составе этих крылатых полков!

# Посол Российской империи

## Париж, 1832 год

*«Господин гусар Д., я знать, что вечер ближний один ваш друг знатный будет ходить в одна дом на Saint-Louis<sup>29</sup>. Но кто-то хотеть он убивать, потому что он ненавидеть rogatywki и шарфы белый и красный. И эти люди хитрый намерены сделать будто виноваты французы, чтобы отомстить царь Россия. У ваш друг мертвый находить письмо к он, в письмо много слово плохой, злой про французы.*

*Эта письмо будет фальшивая. Люди хитрый хотеть война между la France и Россия. Они хотеть заставить la France воевать против Россия в страна, где комбатант<sup>30</sup> носить rogatywka. Письмо фальшивая писать контес полонез Стефани Заславска, она так себя называть, хотя фамилия другой, не знать мне. Она обитать в одинокая дом серая в амнас Vieux Puits о бок площадь Vosges, рядом улица Tournelles.*

*Господин гусар Д., я умолять вы давать этот письмо ваш друг. Он не хотеть исполнять приказ царь Россия ехать в Англетэр, но в момент может погибать. Уехать без медленно! Спешить! Но молчать в амбасад, что я написать!*

---

<sup>29</sup> Saint-Louis (Сен-Луи) – остров на Сене в городской черте Парижа.

<sup>30</sup> Combatant – сражающийся; участник боевых действий (франц.).

*Никто не должен знать! Никто! ЛВ».*

– Ох, какова интрига! – усмехнулся невысокий крепкий полуседой человек с выразительными черными глазами, оливковой кожей и благородными чертами лица. Отложив письмо, он подошел к жарко натопленному камину, и игра пламени заставила засверкать золотое шитье его мундира. – Едва разобрал, что к чему. А ты что думаешь? Веришь?

– Если бы не верил, ваше сиятельство Карл Осипович, не стал бы вам сие письмо доставлять, – вздохнул Араго. – Одни слова «гусар Д.» много значат! Понятно, что в самом деле затеяна интрига, да весьма коварная – одна из тех, которыми горазды блистать польские умы.

Граф Шарль Андре Поццо ди Борго, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, чрезвычайный и полномочный посол Российской империи во Франции, раньше, услышав свое имя, переименованное на русский лад: Карл Осипович, – начал хохотать. Впрочем, за двадцать восемь годков, пока находился в российской дипломатической службе, он ко многому привык, несмотря на то, что слышать русскую речь и даже читать письма на русском языке, приходившие из Санкт-Петербурга, ему приходилось нечасто: кабинет предпочитал писать по-французски. Общий смысл граф уловить мог, однако проникать в тонкости этого причудливого языка так и не научился. Впрочем, у него был усердный секретарь – Василий Иванович Шпис, великолепный переводчик, дешиф-

ровщик и вообще человек надежный.

Однако это письмо Поццо ди Борго даже Шпису показать не мог. В этом деле приходилось доверять только Араго. Однако даже ему – не во всем...

– И что скажешь? – настороженно спросил посол.

Араго снова взглянул на листок, хотя то, что там было написано, прочел столько раз, что уже выучил наизусть:

– Думаю, писал француз, не вполне хорошо русскую речь знающий. Об этом многое говорит. Прилагательные он ставит после существительных, как здесь водится, и о падежах не имеет понятия, и пишет «одна дом», «эта письмо будет фальшивая», потому что во французском *maison*, дом, и *lettre*, письмо, – женского рода, а «слово плохой, злой» – потому что во французском *mot*, слово, – как раз мужского рода. Понятно, что про средний род ведать не ведает. Спряжения глаголов ему сложны или вовсе неведомы, поэтому везде инфинитивы. Потом, смотрите, некоторых слов по-русски он не знает, так и пишет их по-французски, но русскими буквами: *ампас* – тупик, *контес* полонез – польская графиня, *Англетэр* – Англия, *амбассад* – посольство... А некоторые названия коверкать не решается, отсюда и *Saint-Louis*, и *la France*, и *Vieux Puits*, и *Vosges*, и *Tournelles* вместо Сен-Луи, Франции, Старого Колодца, Вогезов, Турнель... Безграмотное письмо, хотя и вполне вразумительное.

– Очень складно написано, – усмехнулся Поццо ди Борго. – Я бы так по-русски не смог. А вот это что такое? – Он

ткнул пальцем в слово «*rogatywka*» и с трудом выговорил, на французский лад грассируя и ставя ударение на последний слог: – Ро-га-тив-ка́?

– Не рогативка́, а рогáтывка, – поправил Араго. – Чаше эту шапку называют конфедераткой. В любом случае намек на шарфы белые и красные вы должны были понять.

– Понял, понял, – проворчал Поццо ди Борго. – Но с чего этот твой Лукавый Взор решил, что поляки меня вздумали прикончить? И почему ты столь охотно этому веришь?!

– А вы в самом деле приглашены на завтра на Сен-Луи, где, как всем известно, находится Отель Лямбер – резиденция Адама Чарторыйского, лидера «великой эмиграции»?

– Должен же кто-то возглавить устройство поляков во Франции, быть их посредником в отношениях с правительством! Почему этим лидером не быть князю Адаму? Да, он меня пригласил, а что в этом такого? – задиристо воскликнул Поццо ди Борго. – В конце концов, мы знакомы больше двух десятков лет! Это князь в 1804 году рекомендовал меня императору Александру Павловичу, который и принял меня в дипломатическую службу, и с тех пор...

– И с тех пор многое изменилось, – перебил его Араго. – А прежде всего то, что Адам Чарторыйский, который тогда был другом России и другом императора Александра, ныне стал врагом России и врагом императора Николая. Очаг польского бунта находился не среди, как это утверждали сначала,

подхорунжих<sup>31</sup>, которыми пользовались как орудием, но среди магнатов, князей: всех этих Радзвиллов, Любецких, Замайских, Потоцких... Именно Чарторыйский стоял во главе восстания, которое, к счастью России, было разгромлено, но, к несчастью Франции, окончилось этой самой «великой эмиграцией» поляков, которые заполонили Париж и весьма ретиво мутят здесь воду, сея ненависть к России. А ваша, Карл Осипович, воинственная позиция по отношению к предателям-инсургентам<sup>32</sup> общеизвестна. И я к ней полностью присоединяюсь!

– Еще бы! – усмехнулся Поццо ди Борго. – Весь Париж знает, что редактор «Бульвардье» – один из тех немногих французов, которые не доверяют полякам и агитируют против них. Небось озадачились, что с тобой приключилось? Был вполне себе тихий и миролюбивый писака, ну, конечно, немножко идилически взирающий на Россию, – и вдруг как с цепи сорвался! А теперь еще некто Лукавый Взор... – Поццо ди Борго метнул на собеседника взгляд, который тоже был весьма лукав, – некто Лукавый Взор затеял писать про то же. А между тем мы отлично знаем, что правительство Франции, да и много народу, в первую голову интеллигенция, сочувствуют несчастным эмигрантам! Помнишь, ко-

---

<sup>31</sup> *Подхорунжий* – унтер-офицерское звание. Во время подготовки Варшавского восстания в казармах разных видов войск тайно вооружались полки, но именно из казармы подхорунжих выступили первые 150 человек, которые напали на русских.

<sup>32</sup> От *лат.* *insurgentes* – повстанцы.



гда в октябре прошлого года здесь появились первые польские переселенцы, их встречали очень радушно, при большом скоплении народа, даже с национальной гвардией, которая салютовала им! Конечно, Луи-Филипп<sup>33</sup> не хочет портить отношения с Россией, но и не может отказаться принимать несчастных комбатантов.

– Это дело короля Франции и российского императора, – отмахнулся Араго. – Но сейчас вы должны исполнить приказ, предписывающий вам немедленно, ни дня не теряя, отъехать в Англию.

– Этот приказ, между нами говоря, столь же бессмыслен, как и данный полтора года назад, когда его величество Николай Павлович предписал всем русским немедленно, ни дня не теряя, отправиться из Франции в Россию, чтобы на них не оказала развращающего воздействия Июльская революция, – усмехнулся Поццо ди Борго, но Араго веселья не подержал:

– Всем нам станет не до забав, если угроза поляков в отношении вас будет исполнена. Кстати, сегодня я имел удовольствие видеть упомянутую в письме *контес полонез Стефани*. Она посетила редакцию.

– Хороша, не так ли? – оживился Поццо ди Борго. – Я встречал ее у Чарторыйского.

– Хороша чрезвычайно, – согласился Араго. – Только,

---

<sup>33</sup> Имеется в виду Луи-Филипп, герцог Орлеанский, бывший королем Франции с Июльской революции 1830 года до Февральской революции 1848 года.

знаете ли, я согласен со здешней пословицей: не ищи красоты, ищи доброты. А в России говорят: и змея красива, да только зла.

– Ого! – опасливо покосился на него посол. – Так прекрасная Стефания, значит, змея?

– Вполне возможно, – рассеянно кивнул Араго. – И не она одна. Думаю, вельможный пан Адам тоже способен укусить – исподтишка, но смертельно. Поэтому умоляю вас, Карл Осипович, *умоляю* пренебречь приглашением Чарторыйского и сегодня же тайно покинуть Париж. Вы не имеете права подвергать свою жизнь опасности. Вы – представитель России. Удар, нанесенный по вам, – это удар по России. Понимаете?!

– А ты на меня голос не повышай, – вспылил Поццо ди Борго. – Пока еще здесь, у Декре<sup>34</sup>, я начальник, а не ты.

– И в мыслях не было сомневаться, ваше высокопревосходительство, – с непроницаемым выражением сделал поклон Араго. – И все же я повторяю свои доводы. На колени встать готов, чтобы вас убедить!

– Перед прекрасными дамами будешь колени преклонять, – отмахнулся посол. – И не надо разговаривать со мной, будто с неразумным ребенком. Разумеется, я уеду. Еще не ополоумел, чтобы прямым приказом государя пренебречь. Если ему угодно отправить меня на время в Англию, послу нашему, графу Ливену, помочь в тамошних делах разобрать-

---

<sup>34</sup> В описываемое время посольство Российской империи в Париже располагалось во дворце герцогини Декре на улице Фобур-Сент-Оноре, 33.

ся, я воле монаршей противиться не стану. Тем паче, сколь помню, супруга его, Дарья Христофоровна, – очаровательная особа. Счастлив буду возобновить знакомство. Хотя эта контес рюс<sup>35</sup> тоже в некотором роде змея, да еще какая!

– Не имею чести знать ее, – буркнул Араго. – Но меня сейчас не эти дамы интересуют, а кое-что другое. Например, почему Лукавый Взор пишет: *«Но молчать в амбасад, что я написать! Никто не должен знать! Никто!»*

– Он что, предполагает, что здесь может оказаться предатель?! – прищурился Поццо ди Борго.

– Не думаю, что предатель, если он существует, скрывается среди секретарей и прочих русских сотрудников, – твердо ответил Араго. – Но кто-то из французской прислуги – почему нет? Помните такое имя – Жак Вестинже? Консьерж российского посольства при посланнике Убри и прочих ваших предшественниках... Правда, он работал на Россию, он был другом, но почему среди таких же иностранцев не может оказаться враг?

Поццо ди Борго очень хорошо помнил имя Жака Вестинже, хотя никогда с ним не встречался. За преданность России тот поплатился жизнью, однако Россия так и не отдала долг признательности его потомкам.

А впрочем, эти самые потомки и не желают, чтобы им отдавали сей долг. Они, видите ли, бескорыстные патриоты! Они, видите ли, гордецы!

---

<sup>35</sup> От франц. comtesse russe – русская графиня.

У Поццо ди Борго мгновенно испортилось настроение, однако он не хотел, чтобы Араго заметил это, а потому поспешно сказал:

– А вот еще странность: Лукавый Взор явно знает, что мы знакомы чрезвычайно близко, ты ко мне вхож, я приму тебя в любое время безотлагательно. Как это объяснить?

– Возможно, за мной следили, – предположил Араго. – Следили и выследили! С трудом могу это представить, но другого объяснения у меня нет. Или Лукавому Взору сообщил тот самый предатель, которому нельзя говорить о письме, и теперь мы получили о нем предупреждение.

– Думаю, это был просто призыв к осторожности, – отмахнулся Поццо ди Борго. – Если бы в посольстве скрывался предатель, он вполне мог бы сам расправиться со мной, так что Чарторыйскому хлопотать не пришлось бы. А то больно уж сложная интрига задумана! Но как ты объяснишь самые большие странности: почему письмо адресовано именно тебе и почему оно написано по-русски?!

– По-русски – да, удивительно, но не слишком, – ответил Араго. – Русские в Париже есть, хоть и в небольшом количестве. И даже в провинции они есть. Помните, когда русская армия Париж покидала в четырнадцатом году, сколько солдат, взятых из крепостных, скрылись по здешним деревням? Во Франции крепостного права нет, поэтому они получали свободу, а здешние крестьяне охотно за них дочерей отдавали и наделяли хозяйством: женихов-то всех война за себя

сосватала.

– В самом деле, – кивнул Поццо ди Борго. – Были случаи. И к дезертирству такого рода относились, с легкой руки его величества, императора Александра, снисходительно. Он не мог карать тех людей, которые привели к победе и Россию, и его самого.

– Вечная ему за это благодарность всех беглецов, – кивнул Араго. – Но вернемся к нашим баранам. Меня вот что сильно изумляет. Во-первых, как Лукавый Взор смог так близко подобраться к полякам, чтобы раздобыть такие сведения? А во-вторых, смотрите, письмо вовсе не редактору «Бульвардье» адресовано! Оно было доставлено мне, это правда. Но обращается автор к некоему *господину гусару Д.* Вам это не кажется странным?

– Да, я было позабыл, – пробормотал Поццо ди Борго. – Но послушай, это ведь не просто странно! Это страшно. Это опасно! Понимаешь?! Получается, кому-то известно, кто ты такой! А ведь об этом не знают даже мои сотрудники. Кроме Шписа, понятное дело, ведь это он тебе на первых порах помогал. Но он выдать не мог. Скорей в то поверю, что я сам предатель, только не Василий Иванович! Так что смело могу сказать: здесь никому, даже некоему гипотетическому предателю, не может быть известно, кто ты есть на самом деле!

– Значит, кому-то все же известно, – вздохнул Араго.

– Кому-то из прошлого? – настаивал Поццо ди Борго. – Вспомнил тебя через двадцать почти лет?! Могло такое слу-

читься?

«Ну подумай головой, ты же умный! Ну попробуй догадаться!» – мысленно взмолился Поццо ди Борго.

Араго пожал плечами. Ему нечего было ответить.

Поццо ди Борго поглядывал на своего друга не без тайного ехидства. Этот прирожденный интриган получал истинное удовольствие от своих как бы искренних попыток навести Араго на след – и в то же время не менее искренних стараний сбить его со следа. Поццо ди Борго совершенно точно знал, кем было написано это письмо и почему Араго называли господином гусаром Д. Впрочем, ответ на второй вопрос Араго и сам знал, а вот на первый... Но открывать ему эту тайну Поццо ди Борго не собирался. Он-то сразу понял смысл отчаянной просьбы: *«Но молчать в амбасад, что я написать! Никто не должен знать! Никто!»* И знал, что выполнит эту просьбу, потому что еще раньше дал клятву держать язык за зубами, хотя иногда его так и подмывало взять да и плюнуть на эту клятву. Но тем и отличается человек благородный от пустого болтуна, что умеет держать слово. Поццо ди Борго умел. Хотя и злился непомерно на того, кому это слово давал.

Вернее, на ту.

К слову следует упомянуть, что Поццо ди Борго получал и раньше подобные письма, которые все настойчивей намекали на опасность, угрожающую российскому послу от поляков. Правда, те письма были написаны по-французски и

подписаны иначе: «*Мадам Р.*». Но Поццо ди Борго знал, что писал их и вот это послание один и тот же человек, потому что встречался с ним (вернее, с ней!) и получал также и устные предупреждения.

Ну и хитрюга... поскольку на ее прежние действия российский посол не обращал внимания, она решила предпринять обходной маневр.

Теперь деваться некуда. Придется послушаться. Иначе Араго графа Поццо ди Борго со свету сживет, но не отвяжется! Да и государь Николай Павлович не помилует заслушание!

# История гусара Д.

## (Продолжение)

### 1812 год

Тот день, когда судьба почти свела бывших друзей, Иван никогда не забывал. Да и как забудешь такое?!

На партизанский бивак прибежал полураздетый, измученный, задыхающийся мальчишка и с трудом, задыхаясь, смог выговорить, что в их деревню, затаившуюся в глубине леса, пришли враги и начали грабить и убивать. Сеславинскомандовал отряду: «Нáкoнь!» – и приказал Ивану взять мальчишку в седло, но держаться с краю.

Понятно почему. Когда пойдут в атаку, надо успеть ссадить его. В бою только детей не хватало!

В эту минуту Иван вспомнил, как полковник Делянов проворчал, неодобрительно на него глядячи, когда оба Державиных пришли к нему проситься зачислить их в полк:

– В бою только детей не хватало!

Впрочем, после первой же атаки он взял свои слова обратно.

– Тебя как зовут? – спросил Иван, подбирая поводья.

– Федька, – ответил мальчик, полуобернувшись. – А ты Ванька, я тебя помню. Ты с Катькой хороводился, ну да, с Катькой, вдовой Акима Кашина. Наши-то гусары, когда от-



ступали, стали на ночлег в деревне, ну, Катька к тебе на сеновал и забралась.

Иван так и онемел. Ну и ну!..

Да, ее звали Катериной, ту молоденькую женщину, которая всего лишь полгода побыла замужем и овдовела, когда мужа лесиною придавило. Катерина была такая же юная, как Ванька Державин, но о жизни знала такое, чего он еще не изведал!

Тогда, летом, отходя от Витебска по Старой Смоленской дороге, уже близко к Москве, полк Сумских гусар стал лагерьем около большой деревни. Жители помогли им приготовить еду. И была среди женщин одна, которая все стреляла, стреляла глазами в Ваньку, а потом, когда утихла суета, стала в сторонке, неотрывно на него глядя.

– Иди, чего сидишь? – шепнул Ваньке кто-то из старших, и он пошел к молодушке, каждую минуту боясь услышать за спиной циничный хохот, но нет – у костров царила тишина. Понимающая, сочувственная тишина!

Может быть, отец попытался бы его остановить, да он в карауле был. Поэтому Ванька ушел – и...

И как-то очень быстро у них с Катериной все случилось. Потом часто вспоминалось, как она завела в истоме глаза, как простонала: «Ох сладко, милый ты мой миленочек, ох сладко...» И ему было сладко, ох сладко! Наверное, так бывает только в первый раз, особенно когда тебя обнимает

юная красавица, и глаза ее сияют от счастья быть с тобой, целовать тебя, а волосы пахнут сеном... Ну а чем иным они могут пахнуть, если вы лежите на сеновале? Это был восторг – восторг первой встречи, счастливой встречи, и такую свободу Ванька почувствовал, когда они с Катериной разомкнули объятия! Он ловко владел саблей и уже убил немало врагов, но еще ни разу не владел женщиной, а теперь научился и этому. Он стал настоящим мужчиной, эта юная вдовушка освободила его от робости, от страха перед томлением естества, и Ванька уже чувствовал себя таким же взрослым и лихим, какими были все его полковые друзья – взрослые, лихие гусары, которые ласково, но все-таки с долей веселого презрения называли его мальчугашкой. А вот и не мальчугашка он отныне, вот и мужчина он теперь!..

Иван покачал головой. Значит, сейчас он снова увидит Катерину? И... и что случится между ними? Будет ли так же сладко, как в первый раз?

– С места марш-марш! – раздалась команда, и отряд пошел вперед на рысях.

– Ой, да живей! – взвизгнул, полуобернувшись к Ивану, Федька. Ветер рвал его крик и отбрасывал назад. – Живей скакать надо! А то паны шибко лютуют! Все наши мужики тоже, вроде вас, в партизаны подались, за баб заступиться некому.

– Там поляки, что ли?! – крикнул Иван, и улыбка его пре-

вратилась в злобный оскал.

Ох и нашли себе союзников французы... Сами они были люты, но поляки лютее вдвойне! Когда наполеоновские войска только вошли в Москву, поляки из 5-го корпуса Понятовского первым делом ворвались в Кремль и забрали все трофеи, еще в 1612 году взятые Мининым и Пожарским у польских интервентов. Хотели уничтожить следы своих бывших поражений, нанесенных русскими, которых теперь надеялись не просто разгромить, но вовсе уничтожить – как уничтожали беззащитных пленных: их поляки выстраивали в ряд и разбивали головы прикладами ружей, да так, чтобы мозг разлетался по сторонам.

Никто с такой безжалостной яростью, как поляки, не поганил русских православных храмов, не бесчестил саму веру русскую. В храмах конюшни устраивали, навозом их загаживая. Священников связывали лицом к лицу и заставляли выпить рвотное. Спутав руки и ноги, швыряли в горящие церкви. А монахинь до смерти доводили насилием. И плевались с отвращением, поднимаясь с их безжизненных тел и застегивая штаны: «Православна баба не сладкая!»

Иван взвыл от злобы и так погнал коня, что вырвался к командиру. Тот сурово покосился:

- Державин, не ломай строй!
- Там поляки, оказывается! В той деревне поляки!
- В галоп! – скомандовал Сеславин, который отлично понимал, что могут значить эти слова. – В галоп, марш!

Помчались так, что встречный ветер сразу сделался ледяным и начал вышибать слезы из глаз. Федька повернулся, уткнулся в грудь Ивану и вцепился было крепче, но тут разнеслась команда Сеславина:

– Державин, мальчишку из седла! Сабли наголо!

Иван, держа коня шенкелями, перехватил Федьку под мышками, свесился на сторону, опустил его на землю:

– Под копыта не лезь!

И помчался вперед.

Деревня показалась впереди, затянутая дымом; с той стороны доносились крики – такие страшные крики, что слышны были даже сквозь слаженный топот копыт.

– Атакуй! – взревел Сеславин.

Что было дальше, Иван не помнил, как всегда не помнил подробности сражений, в которых участвовал. Лишь изредка из серой дымной пелены выступали искаженные яростью или страхом лица врагов, но после меткого и сильного сабельного удара пропадали из глаз; слышались хриплые крики; топтались и взвивались на дыбы лошади; раздались два-три пушечных выстрела...

Потом все утихомирилось.

Дым слегка рассеялся. Стали видны телеги, нагруженные мешками с капустой и репою, связанными за ноги курами и утками, незамысловатой крестьянской утварью: это польские маркитанты не успели увезти. Валялись на земле убитые и раненые вражеские уланы. Однако несколько все же

успели уйти верхами.

– Становись цепью, гаси огонь! – раздался голос Сеслави-на, и Иван увидел, что бабы, мужики и несколько гусар то-ропливо протянулись цепью к колодцу, передавая друг другу полные бадейки и ведра: из щелей большого сеновала валил дым.

– Державин, помогай! – крикнул кто-то, и Иван тоже при-нялся хватать ведра, забегать в сарай и выплескивать воду на тлеющее сено.

Наконец все залили, пожара можно было не опасаться. Иван стащил кивер со вспотевшей головы (забыл о нем в пы-лу работы) и вышел из сарая.

Продымленный уличный воздух показался удивительно свежим. Иван стоял улыбаясь, протирая запыленные глаза и вытряхивая сено из волос, как вдруг кто-то взвыл за углом сарая страшным голосом, какая-то баба, и целый хор голо-сов подхватил этот вой.

Стало жутко.

«Наверное, нашли кого-то убитого из своих», – подумал Иван, не двигаясь с места: тела мирных людей, сгубленных войной, заставляли его сердце сжиматься такой болью, что трудно было ее вынести. Погибшие гусары, артиллеристы, пехотинцы – да какие угодно военные! – исполняли свой долг, знали, что лучше нету доли, чем за Родину в бою пасть, а безвинные, мирные люди...

Сеславин вышел из-за угла и поглядел на Ивана измучен-

ными, красными глазами:

– Помню, наш партизан Сашка Фигнер рассказывал, как поляки девок наших бесчестят, их на стенах храмов распинают, а я не верил в такое зверство. Не могу, не могу на это смотреть, слышать не могу, как мать воет: «Катеринушка моя, деточка!»

Сеславин осекся, отвернулся.

Ивана словно бы насквозь прохватило стужей страшного предчувствия. Бросился за угол – да и замер, увидев женщину, распятую на той стене сеновала, которую не успел тронуть огонь. Рубаха ее была задрана и приткнута к телу саблей с такой силой, что из груди торчала только рукоятка оружия, пронзившего тело и вошедшего в щель между бревнами. Раскинутые в стороны руки были пробиты кинжалами, поэтому тело не заваливалось вперед, – только голова безжизненно опустилась на грудь. Концы светлых длинных кос были почему-то черны.

Какая-то женщина билась на земле, в луже крови, которая натекла из распятого тела.

Только сейчас Иван понял, что косы были окровавлены...

– Видишь, что с твоей Катькой поляк сделал? – пробормотал кто-то рядом, и, опустив глаза, Иван увидел того мальчишку, который прибежал к партизанам за помощью.

Понадобилось некоторое время, чтобы вспомнить, как его зовут.

– Федька, покажи мне, кто виновник, – сказал Иван тихо.

— Да я не знаю, — сквозь слезы выговорил мальчишка. — Я ж к вам за подмогой побежал. Вот у деда Грини спроси, он небось видал.

Федька махнул куда-то в сторону и пошел поднимать бьющуюся на земле, рыдающую женщину.

Иван обернулся к старику в обгорелом тулупчике, который стоял, опершись на клюку, угрюмо глядя на пленных поляков.

— Кто это сделал? — прохрипел Иван, дергая крючок доломана на горле.

— Долговязый такой шляхтёнок, бешеный совсем, — сипло пробормотал старик. — Начал Катерину лапать, она его руку отбила. Он: чего, дескать, кочевряжишься, мы Смоленск взяли, Москву взяли, неужто думаешь, я тебя не возьму? А Катюшка ему: вы и Москву потеряли, и Смоленск потеряете, а я лучше умру, чем с тобой лягу. А он: ладно, тогда постой. Схватил ее, к стене швырнул да и приколот саблей. Откуда только силища в таком долговязом да тощем взялась?! Одну руку ее своим ножом к бревну прибил, другой взял у кого-то, а потом... — Он говорил уже с трудом. — Прочие ляхи тоже над девками наохальничали, но чтоб такое!.. Да небось злое татаровье так над Русью не измывалось, как этот шляхтёнок!

— Где он, покажи его! — потребовал Иван, однако дед Гриня только за сердце взялся да и сел прямо на землю, тяжело дыша, не успевая утирать слезы.

Иван вынул саблю из ножен и медленно подошел к пленным, которые при его приближении сползли друг к другу теснее, смотрели с ужасом.

— Кто из вас такое лютое, бесчеловечное душегубство сотворил? — спросил, не узнавая своего голоса. — Если он сознается, я его одного зарублю, а остальных не трону, в плен пойдут. Будете молчать — поубиваю к чертям всех. Руки-ноги буду рубить, чтоб криком вы изошли да в муках сдохли.

Кто-то из поляков принялся громко молиться на латыни, кто-то принялся просить о пощаде, а еще один прорыдал отчаянно:

— Да некому тут сознаваться! Это Каньский натворил, да только он удрать успел!

Эта фамилия заставила Ивана вздрогнуть.

— Каньский? — повторил он. — Какой? Юлиуш Каньский?

Этого не могло быть, он не мог угадать, но по тому, как выцвели глаза и лица пленных, словно смерть их уже взяла, Иван понял, что угадал.

— Говори же, Михал! — наконец прикрикнул немолодой поляк, видимо, старший среди прочих, с мучительной гримасой покоивший простреленную, окровавленную ногу. — Твой же кузен лютовал!

Прятавшийся за его спиной подхорунжий с обвязанной головой выполз на коленях вперед и устремил на Ивана умоляющий взгляд.

— Ванька, это Юлек натворил, — чуть слышно выдавил



он. — Да, Юлек. Он в войну обезумел, он крови нанюхался, как бешеный волк-людоед, он...

— Михал?! — ошеломленно перебил Иван, внезапно узнав подхорунжего. — Михал Петшиковский? Да ты же в нашей русской армии служил, в Литовском...

И осекся, вспомнив, что Литовский уланский полк после восстановления Наполеоном Великого княжества Литовского попал в разряд самых ненадежных в российской армии из-за массового дезертирства.

Значит, и Михал Петшиковский среди этих дезертиров и предателей. Ну да, каким еще мог быть кузен Юлека Каньского!

— Ванька, не казни нас, — взмолился Михал. — Мы хотели остановить Юлека, да он вне себя был, он бы нас всех поубивал.

— Да что ж ты брешешь, ляхов пес?! — жалобно закричал дед Гриня, с трудом поднимаясь. — Хотели они убийцу этого остановить, как бы не так! Бабы наши за вилы взялись, чтоб его отогнать, а эти, — он трясущейся в руке клюкой указал на пленных, — двух баб застрелили, а потом в заслон встали, чтобы другие не подошли близко, пока этот волк бешеный Катюшку поганил! Умиравшую Катюшку...

Иван посмотрел в лицо Михала, но увидел не его, а бывшего друга. Двоюродные братья были очень похожи: глаза одного были так же темны, как глаза другого, так же красиво изламывались их черные брови... и такое же подлое, пре-

дательское, лживое лукавство чудилось Ивану даже в слезах Петшиковского.

– Молись, Михал, – сказал хрипло. – Молись и проклинай брата своего, и Наполеона своего, и бога своего латинского проклинай, что попустил вас на такое зверство. И вы все молитесь.

– Да не медлите, ляхи, с молитвой, – раздался голос рядом, и к Ивану подошел Сеславин. – Вручите души господу своему да в круг станьте. А ты, Державин, давай на́конь.

Иван оглянулся. Гусары уже сидели в седлах, с обнаженными саблями, и Иван понял, что сейчас будет с пленными. На миг ему стало жалко – нет, не их! – а того, что не сможет сам-один, своими руками, убить их всех, всех до одного, этих нелюдей – убить так же, как они убивали русских пленных! – но тут же пришло то особое, леденящее душу, непоколебимое спокойствие, какое испытывает человек, совершающий справедливую месть.

– Ничего, Михал, – сказал он, взлетая в седло и по команде Сеславина вздымая саблю. – Не скучай! Юлек тебя скоро догонит.

Иван с размаху опустил тяжелое лезвие на голову Петшиковского. Рядом свистели сабли – вершили казнь врагов другие гусары.

Отныне в каждом встреченном поляке Иван Державин видел бывшего друга – и без раздумий кидался в бой. Но не

дано ему было знать, как сложится его судьба и когда он сойдется вновь с Юлиушем Каньским.

# Тупик Старого Колодца

## Париж, 1832 год

Над парадной дверью серого мрачного особняка висел колокольчик. Судя по его виду, он провисел здесь не меньше десятка, а то и двух десятков лет нечищеным, настолько его бронза позеленела, а местами почернела. При тусклом свете сгущавшихся сумерек он напоминал часть тела уже почти разложившегося мертвеца.

«Что за нерадивая служанка у прекрасной Стефании! – подумал Араго раздраженно. – Разве графиня не может задать этой лентяйке хорошую трепку?»

В эту минуту дверь отворилась и перед ним предстала та самая служанка, которой требовалось задать трепку. Миниатюрная графиня едва ли смогла бы это сделать, поскольку служанка оказалась едва не вровень с довольно высоким Араго! Росту ей добавляли деревянные сабо<sup>36</sup>, которые в Париже носили служанки. На голову эта особа напялила громоздкий старомодный чепец – такой вполне могла носить какая-нибудь Сандрильона (понятное дело, еще до того, как фея-крестная устроила ее свадьбу с принцем Мирлиф-

---

<sup>36</sup> От *франц.* sabot – копыто: название традиционной деревенской обуви во Франции.

лёром<sup>37</sup>). Трехсвечный шандал, в котором почему-то горела только одна свеча, да и то прикрытая ладонью, мало помогал разглядеть лицо этой особы. Впрочем, заметив неопрятные рыжие пряди, торчащие из-под чепца, Араго оставил попытки всматриваться, хотя вообще был вполне снисходителен к привлекательным простолюдинкам. Здесь же никаким подобием привлекательности даже не пахло, а если чем и пахло, то лишь перекишим бигосом или подгоревшими плясками от передника служанки. Араго мысленно усмехнулся: этих польских традиционных блюд он не пробовал лет этак двадцать, однако обоняние, оказывается, обладало очень хорошей памятью! Настолько хорошей, что он с трудом подавил тошноту. Не помогал даже навязчивый можжевелевый дым: да, не было, кажется, ни одного дома в Париже, где бы таким немудреным способом не пытались спастись от холеры. Впрочем, на месте холеры Араго бежал бы прочь уже от одного запаха засаленного передника!

Брезгливо сморщив нос, сделал попытку пройти мимо служанки, однако та и с места не двинулась.

– Доложи графине: мсье Араго, редактор... – начал было он, решив, что эта несуразная особа просто не знает, как сообщить о госте, однако та, очевидно, вознамерилась удостоверить в его личности и подсунула свечу так близко, что Араго едва успел отпрянуть, иначе пламя подпалило бы ему

---

<sup>37</sup> *Сандрильона и принц Мирлифлёр* – главные герои сказки Шарля Перро, известной у нас как «Золушка».

брови и усы.

– Стратчила рóзум?!<sup>38</sup> – рявкнул он не сдержавшись, хотя тут же пожалел об этом. Полузабытая польская речь оказалась столь же живучей, как память на запахи, и эти слова вырвались так же невольно, как исказила лицо брезгливая гримаса.

Эх, не стоило выдавать, что он знает польский язык... А впрочем, так или иначе это все равно открылось бы.

– Что вы сказали, мшьє? – спросила служанка, выпячивая нижнюю челюсть и смешно пришепетывая. При этом она зачем-то опять взмахнула шандалом, и Араго принужден был вновь отшатнуться. – Думаете, я тоже с Полони? Нет, я шдешняя! Хозяева меня кличут по-швоему, Андзя, а на шамом деле меня жовут Аннета. А чего ж вы так припождлились, мшьє? Я уж решила, что никто больше не появится. Думала двери жапирать да на кухню идти, так что еще немного – и вы попушту бы штучалишь. Пришлошь бы вам череж погреб в дом пробираться, благо дверь туда отворена.

Что?

Дверь в погреб отворена? Как же он не заметил?..

...Фиакр довез Араго до самых ворот сада, в глубине которого стоял серый особняк, однако вошел он не сразу: не меньше получаса бродил по тупику Старого Колодца. Фонарщик уже успел зажечь огонь в старом керосиновом лам-

---

<sup>38</sup> Стратчила розум?! – С ума сошла?! (польск.)

пионе, помнившем, пожалуй, еще времена Людовика XIV, при котором в Париже установили три тысячи уличных фонарей. Светил лампикон тускло, но этого было достаточно, чтобы Араго мог сделать вид, будто приглядывается к садовым оградам и стенам домов, якобы проверяя: заменены ли старые таблички с названием улицы новыми? Еще в начале минувшего XVIII столетия начальник парижской полиции издал указ, предписывающий к первому и последнему дому каждой улицы прибить жестяную табличку, на которой черной краской было бы написано название. Впрочем, до 80-х годов прошлого века улиц с такими табличками можно было буквально по пальцам пересчитать! Однако в 1806 году, уже при Наполеоне, велено было названия писать на стенах масляной краской. Для экономии краски такие надписи помещали только на угловых домах.

Интерес Араго мог бы показаться странным случайному наблюдателю. А впрочем, отчего бы редактору популярной газеты не озаботиться состоянием табличек и надписей? И отчего бы даже не поинтересоваться, не переименован ли тупик Старого Колодца?

В самом деле, в старинные времена парижские улицы, переулки и тупики называли по святому ближайшей церкви, в честь какого-нибудь знатного человека, по лавке мясника или булочника либо по некой местной достопримечательности: башне, приметному дереву и даже, как здесь, по старому колодцу, от коего нынче уже и следа не осталось. Однако по-

том улицы не единожды переименовывались: и стараниями Сюлли, министра короля Анри IV, и хлопотами Людовиков XIV и XV, потом по бешеному стремлению революционеров уничтожить все следы старого мира, позже – благодаря желанию Наполеона увековечить память о заслугах своих сподвижников, а при Реставрации – эту память стереть.

В последнее время сделалось модным называть улицы в честь писателей, музыкантов, художников, ученых, чьи имена, по общему мнению, уже принадлежали вечности.

Блуждая по тупичку и размышляя о причудах парижской годонимики<sup>39</sup>, Араго задержался у ограды другого дома, тоже стоявшего в глубине сада, только на противоположной от особняка стороне дороги.

Много лет назад, едва приехав в Париж, он первым делом пришел сюда. Тогда жасминовые кусты почти сплошь заплело лианами белого винограда<sup>40</sup>, нежный аромат которого напоминал о цветущих липах. Сорная трава заслоняла высокое крыльцо, подбиралась к плотно закрытым ставням.

Араго знал, что хозяева этого дома покинули Париж еще весной 1814 года. Сначала был убит Тибо; немедленно после этого жившая здесь семья снялась с места и исчезла. Куда все они уехали, родители и дочь? Никто этого не знал. Сразу

---

<sup>39</sup> *Годонимика* – один из разделов топонимики. Она занимается годонимами – названиями улиц. Топонимика – наука, изучающая географические названия – топонимы.

<sup>40</sup> *Белый виноград* – так французы называют один из видов ломоноса (клема-тиса).



было видно, что с тех пор дом оставался необитаемым. Хозяева не возвращались и не сдавали свое опустелое жилище никому другому.

Араго несколько раз за минувшие годы навещался сюда в надежде, что хозяева вернулись, но заставлял ту же картину запустения. В конце концов он перестал появляться в тупике Старого Колодца, потому что никак не мог победить затаившегося в душе страха, который испытал когда-то в погребе серого особняка, и старался изгнать воспоминания.

Но вот он снова здесь, он снова смотрит на старый домик, на старый сад...

Еще не настала пора белому винограду раскрыть свои благоухающие гроздья; сад показался не столь заросшим, как прежде: во всяком случае, трава на дорожке, ведущей от калитки, была примята. Но, всмотревшись, Араго увидел, что ставни и дверь по-прежнему затворены, трава по-прежнему оплетает крыльцо, а протоптанная дорожка ведет куда-то за дом. Наверное, случайный прохожий проложил себе более короткий путь на соседнюю улицу. Калитка-то не заперта на замок, только цепь накинута на стойку ворот...

В темноте было трудно рассмотреть лучше, и Араго с трудом подавил желание поднять эту цепь и войти в калитку.

Нет, делать этого, конечно, не стоило. Что, если за ним наблюдают?

Или нет? Или он чрезмерно осторожничает?

Да вряд ли! Наверняка наблюдают.

Араго ни на мгновение не предавался иллюзии, будто графиня Стефания пригласила главного «бульвардье» просто потому, что он ей приглянулся так же, как она приглянулась ему. Почти наверняка рассчитывает в приватной обстановке все же вызнать какие-то подробности о загадочном Лукавом Взоре, в котором она видит какую-то опасность для «великой эмиграции». Милый лепет Стефании о том, что она, дескать, мечтает попросить популярного журналиста написать о страданиях польских женщин, был насквозь лживым. Судя по письму, которое Араго передал Поццо ди Борго, Лукавый Взор подобрался очень близко к «великим эмигрантам», а судя по визиту графини Заславской, они не имеют представления, кто скрывается под этим псевдонимом автора ядовитых публикаций, опасаются его и хотят разыскать, — но, конечно, отнюдь не для того, чтобы поблагодарить! Значит, Лукавый Взор в опасности?.. Наверняка таинственный корреспондент это хорошо понимает, иначе не окружал бы себя такой конспирацией.

Впрочем, так или иначе, приглашение Стефании не имеет ровно никакого отношения к тем событиям, которые в памяти Араго были связаны с этим серым особняком и этим старым домиком, спрятавшимся в заброшенном саду! А потому пора прогнать пугающие воспоминания, не давать им власти над собой!

Араго расправлялся с ними много лет, уже считал себя победителем — и вот вдруг нахлынуло, сжало сердце, прошло

дрожа по плечам...

Такое бывает с людьми, которые испытали в детстве ужасное потрясение — и оно с тех пор является к ним в кошмарах, даже когда они становятся взрослыми. Однако Араго в те годы уже не был ребенком, о нет! Он был вполне взрослым, он ежедневно видел смерть, кровь, он убивал и сам не единожды мог погибнуть, — и все же ни один эпизод из его боевой жизни не потряс его так, как несколько часов, проведенных в погребке серого особняка.

Почему? Потому что здесь его охватил безумный страх стать предателем — причем против своей воли! А еще он испытывал унижение — беспрестанное унижение, причиняемое человеком, которого он некогда считал другом, но который стал врагом. Таким лютым врагом, что в бою они бы поубивали друг друга. Кто это сказал: когда приходит война, старые друзья могут стать новыми врагами? Кто бы ни сказал, он был прав! И в погребке серого особняка пленник оказался всецело во власти этого врага...

Довольно!

Хватит!

Все давно в прошлом. И даже если призраки этого прошлого вдруг обступили тебя, это именно призраки. Вернитесь же в свои могильные ямы, мертвецы!

Араго решительно вошел в ворота, чеканя шаг, промаршировал к дверям серого особняка, глядя прямо перед собой, чтобы не бросить ненароком взгляд в сторону выступа-

ющего крыла, в котором находилась дверь в погреб, и твердя себе, что все забыто.

И вот вам, пожалуйста! Пропахшая бигосом *Андзя* (надо полагать, без пришепетывания это имя звучало бы как Ан-дзя?) не преминула освежить воспоминания! И мало успокаивает, что она сделала это нечаянно.

Араго, стиснув зубы, подавил невольную судорогу, которая прошла по телу, и, шагнув мимо служанки, небрежно набросил на рога вешалки-стойки для цилиндров свой – в придачу к тем трем, которые там уже висели.

Андзя между тем выглянула в уличную дверь, посветила в темноту сада жалкой своей свечой, потом, сердито проворчав: «Ну, дольше ждать не буду! Господам ихнюю каву<sup>41</sup> вовремя не подашь, они шражу жа сабли хватаютшя!» – задвинула засов и накрепко подвязала веревку, которая тянулась с улицы через особую дырочку в стене и была соединена с язычком колокольчика. Не обращая больше внимания на Араго, она простучала по каменному полу своими сабо, потом ее шаги удалились и стихли. Шандал Андзя унесла, и в вестибюле почти стемнело, только в бельэтаже<sup>42</sup> едва-едва брезжил свет.

Вот же пакость эта Андзя! Неужто во всем Париже графи-

---

<sup>41</sup> Кава – кофе (*польск.*).

<sup>42</sup> *Бельэтаж* – второй снизу этаж в особняках, где расположены парадные залы и лучшие комнаты.

ня Стефания не нашла кого-нибудь поприветливей?!

А ведь поприветливей и не найдется, пожалуй! Просто-народе распустилось до полного непотребства. Да, распустишься, наверное, когда власть своей волею сметаешь, а страну с ног на голову переворачиваешь, как это было во время этой трижды растреклятой революции, которую они называют Великой! Насколько знал Араго, в последнее время прислуга предпочитает не служить, а шлаться по митингам и горлопанить. Так же было и накануне Июльского мятежа два года назад. Как бы чего нового не устроили! Эх, милые вы мои лягушатники, нет на вас российского государя-императора Николая Павловича, который, загнав бунтовщиков-декабристов во глубину сибирских руд, надолго отшиб у их последователей охоту затевать новый комплот<sup>43</sup> да подстрекать народ к бунту!

Араго прислушался. Сверху неслись музыка и голоса. Итак, прием, о котором говорила графиня, в самом разгаре.

Наш герой начал подниматься в бельэтаж, удивляясь размерам особняка, который снаружи казался совсем невелик. А там, в темном, тесном погребе, ему чудилось, будто не только этот дом темен и тесен, но и весь мир сделался таким же и даже светлые небеса превратились в такой же закопченный потолок, как тот, который нависал над неподвижно лежащими, связанными по рукам и ногам людьми, двое из которых уже мертвы...

---

<sup>43</sup> Complot – заговор (*франц.*).

Он сердито мотнул головой, отгоняя тягостные мысли.  
Довольно о прошлом!

# На Монмартре Париж, 1814 год

Победа союзной армии России, Пруссии и Австрии над армией Наполеона была близка, и даже краткие неудачи не могли разуверить российские войска в ее неизбежности. На расстоянии выстрела она была, как сказал бы артиллерийский поручик Яков Ругожицкий!

Еще недавно армия продвигалась по большой Парижской дороге. Она была заранее изуродована французами, чтобы затруднить путь наступающим: большие камни выворочены ребром; величественные тополя, ранее стоявшие по сторонам, валялись, вырубленные, там и сям, подобно низверженным исполинам. Иногда попадались трупы лошадей, лоскутья от киверов и ранцев.

— Ништо! — смеялись солдаты. — Наши-то пути-дороженьки в распутицу еще хуже, а мы прошли! И тут пройдем! А что пушки застревают, так на руках донесем. До Парижа-то всего тридцать пять верст осталось.

Радостная мысль, что близка столица Франции, оживляла войска и придавала им быстроты в шествии; кроме того, опасались удара войск Наполеона с тыла.

— Идем в Париж! — говорили офицеры. — Там-то найдем радости и удовольствия. Пале-Руайаль, Королевский дворец,

держишь! Есть ли деньги, господа, чтоб было чем повеселиться? Нет? Но мы соберем контрибуцию...

– Идем в Париж, ребята! – говорили солдаты, размахивая руками. – Там кончится война; государь даст по рублю, по фунту мяса и по чарке вина. Станем на квартиры...

И вот показался более чем шестидесятисаженный<sup>44</sup> холм Монмартр – возвышенное предместье Парижа. Последний рубеж его обороны!

– Вот Париж! – кричали солдаты. – Здравствуй, батюшка Париж! Ох и расплатишься ты с нами за матушку-Москву! – и ускоряли марш...

29 марта<sup>45</sup> 1814 года 8-й, 9-й и 10-й корпуса армии графа Ланжерона шли в боевом порядке колоннами. За егерями 8-го корпуса следовала рота Ругожицкого. Его батарея была по неприятельской кавалерии и пехоте, стоявших с несколькими пушками у подножия Монмартра.

Вдруг рядом с батареей, вырвавшись из густого порохового дыма, появился верховой гусар и, сорвав кивер, замахал им, что-то крича. Серые доломан и ментик с белой опуш-

---

<sup>44</sup> *Сажень* – русская мера длины; так называемая казенная сажень составляла около 2,13 м. Официально считается, что высота Монмартра 130 м.

<sup>45</sup> Франция всегда вела летоисчисление по календарю григорианскому, в отличие от России, которая до 1918 года использовала календарь юлианский. Поэтому, когда речь идет о событиях, происходящих во Франции, уточнять понятия старого и нового стиля летоисчисления смысла не имеет.



кой, а также красные чакчиры<sup>46</sup>, воротник и обшлага выдавали в нем гусара Сумского полка, который, под командованием храбрейшего Александра Сеславина, тоже сражался на Монмартре, недавно разгромив французскую батарею у Тронной заставы, Барьер дю Трон. Прислуга этой батареи состояла из студентов Политехнической школы. Студיוзу-сы защищались мужественно, и лишь после упорного боя, изрубив всю прислугу, атакующие захватили четырнадцать орудий. А затем сумцы отправились на Монмартр, помогать взять последнюю высоту обороны.

«Курьер с каким-то известием, – догадался Ругожицкий. – Может, сообщит, что мусью сдались?»

Огляделся и покачал головой: нет, в направлении деревень Ля Вилет, Пантен и возвышенности Роменвиль, куда тянулась линия обороны французской столицы, все было затянута дымами выстрелов. Да и вокруг еще постреливали.

Ругожицкий ответно махнул гусару. Тот подскакал, нахлобучил кивер, осадил своего гнедого, отдал честь:

– Подпоручик Сумского гусарского полка Державин с поручением из штаба! Приказано передать: на церкви Святого Пьера семафор установлен. Будьте осторожны, не сбейте! Он нам пригодится, чтоб весть о нашей победе Бонапарту послать!

---

<sup>46</sup> *Доломан* – часть гусарского мундира: плотно сидящая однобортная куртка со стоячим воротником и шнурами, поверх которой надевался ментик – короткая гусарская куртка с опушкой и галунами; ментик обычно накидывали на одно плечо. Чакчиры – форменные гусарские рейтузы, украшенные шнурами.

И расхохотался.

«Да совсем мальчишка! — удивился Ругожицкий. — Даром что усы отрастил! Небось годов шестнадцати в войско сбежал! Однако с чином, молодец!»

Между тем подпоручик Державин на мальчишку походил все меньше, «старея» на глазах: темно-русые волосы и усы его побелели, как побелели и кивера, и волосы у всех остальных, кто находился на холме Монмартр, на котором издревле, еще со времен римлян, добывали гипс, перемалывая его на множестве мельниц, стоявших там и сям. Некоторые были разрушены снарядами, а некоторым посчастливилось уцелеть.

Ругожицкий, конечно, слышал, что на башне церкви Сан-Пьер-де-Монмартр, Святого Пьера Монмартрского, лет двадцать назад установили первый семафор, впоследствии называемый оптическим телеграфом: чудо немыслимое, с помощью которого можно было мгновенно передавать сообщения на огромные расстояния! Рассказывали, будто чуть ли не вся Франция такими семафорами-телеграфами уставлена и даже в Россию Наполеон передвижной телеграф собирался взять, чтобы прямо из Москвы сообщить в Париж: дескать, Кремль пал. Однако в России не сыскалось аппаратов, способных сигнал принять и дальше передать, хотя, по слухам, Иван Кулибин, самоучка нижегородский, примерно в то же время изобрел такую же штуковину, да еще похлеще французских. Их-то сигналы видны были только лишь в

дневное время, а нашенские – даже ночью. Но, по всегдашнему российскому обыкновению, денег на чудную новинку не нашлось, вот ведь беда какая!

А может, и не беда. Все равно Наполеона из России вышвырнули, так зачем французам напрасные надежды вносить? Получили бы в Париже сообщение о сдаче Москвы, затеяли бы викторию праздновать, а тут – ба-бах, Великая армия в лохмотьях ворочается, а след в след русские идут... Экая конфузия вышла бы!

– Не тревожьтесь, подпоручик, – улыбнулся Ругожицкий, – и в штабе доложите: мы не варвары какие, чтобы по божьим храмам ядра швырять. Это ляхи<sup>47</sup> да лягушатники поганили церкви наши, а у нас рука не поднимется.

– Да уж, и тех и других я нагляделся, – нахмурился Державин. – Что до ляхов, к ним у меня особый счет имеется!

Он потянул было за повод, чтобы повернуть коня, как вдруг Ругожицкий, сильно хлестнув гнедого по крупу, крикнул:

– Берегись!

Конь скакнул в сторону; Ругожицкий тоже отшарахнулся, да так прытко, что не удержался на ногах.

Круглая черная граната упала на то место, где они с Державиным только что находились, и завертелась, дымя фитилем.

– Лежать! – гаркнул Ругожицкий, приподнявшись. – Са-

---

<sup>47</sup> *Ляхи* – прозвище поляков.

мойлов, залей!

Расчеты, всего навидавшиеся и много чего испытавшие, проворно залегли и без команды. Конь Державина рвался отскочить подальше, однако подпоручик удерживал его, с любопытством и в то же время с опаской наблюдая за происходящим.

Раскрасневшийся канонир<sup>48</sup> выскочил из-за мортиры, неся в обеих руках деревянные ведра, в которых обычно держали уксус для охлаждения раскаленных стволов орудий, и выплеснул на гранату прозрачную жидкость.

Уже не в первый раз за время своего пребывания в армии Державин мысленно простился с жизнью, опасаясь, что мгновенно раскалившийся уксус сейчас воспламенится, а вслед за ним и граната рванет, усеяв округу смертоносными осколками... однако фитиль, злобно зашипев, тотчас погас. Страшный черный шар, крутнувшись еще раз, замер.

Державин снова снял кивер и отер пот со лба.

– Не тревожьтесь, подпоручик, – поднялся на ноги Ругожицкий. – Это не уксус, а вода-водица. У нас в половине орудийных ведер нарочно вода припасена. Таких черных летучих ведьм немало за сегодняшний бой набралось! Мы их все загасили, в сторонку оттащили да в ямку закопали.

– Пруссак! Слепошарые озоруют! – сердито крикнул кто-то из орудийной команды.

– Не в службу, а в дружбу, подпоручик, – сказал Ругожиц-

---

<sup>48</sup> Канонир – младший нижний чин орудийной команды; пушкарь.

кий, — доскачите до пруссаков, вразумите, что они от нас на слишком большую дистанцию становятся. Через нас вроде бы стреляют, а в нас же и попадают. Кабы мы не держали ушки на макушке, глядишь, союзнички нас уже побиваша бы. От противника подальше держатся, а по нам бьют!

— Сделаю, — кивнул Державин. — Сейчас же туда! Спасибо, что жизнь спасли...

— Ох и хорош же я! — словно и не слыша, проворчал Ругожицкий, сбивая меловую пыль со своего двубортного мундира темно-зеленого сукна. — Да и ваш мундирчик побелел. Эх, на Монмартре надо было в белой форме воевать, чтоб не перепачкаться, да кто же знал!

— Ничего, завтра принарядимся! — усмехнулся Державин, надевая в очередной раз кивер и застегивая пряжку под подбородком. — Начнем поутру в Париж входить — блеснем золотым шитьем белых парадных мундиров!

Он снова отдал честь и, понукнув коня, скрылся в пороховом дыму, а Ругожицкий, скептически пожав плечами насчет прожекта завтра же войти в Париж (он предпочитал надеяться на лучшее, но ожидать худшего), мигом о подпоручике забыл, потому что хлопот его роте прибавилось. Стоило только подвинуться к дороге на Сен-Дени, предместью Святого Дионисия, как французская кавалерия густой колонной вознамерилась броситься на батарею, но Ругожицкий, ведя огонь со всех одиннадцати орудий, заставил нападающих обратиться назад. Тогда французы выставили гу-

стую цепь стрелков, которые двинулись к российским позициям, однако несколько выстрелов картечью их остановили. Но пришлось остановиться и самим – до нового приказа наступать.

А между тем на линии фронта левее батареи происходили поистине судьбоносные события. 2-й пехотный корпус под командованием принца Евгения Вюртембергского атаковал селение Пантен, войска генерала Раевского и кавалерия графа Палена штурмовали Роменвиль.

Прусские корпуса Йорка и Клейста, а также корпус графа Михаила Воронцова взяли селение Ля Вилет и вскоре выступили к ближним окраинам самого Парижа. Российская и прусская гвардии заняли высоты Бельвиля.

Ругожицкий был вне себя. Время уходило – горячее, военное, победу приближающее время! – а про его артиллеристов словно забыли. И он даже обрадовался, когда на батарее снова появился подпоручик Державин.

– Ну что, не стреляют больше по вам союзники? – крикнул он. – Тогда я возвращаюсь в штаб. И так задержался из-за пальбы, никак было не проехать.

– Придется еще задержаться, – подошел ближе Ругожицкий. – Сейчас дорога простреливается, не видишь разве? Попадешь под разрыв – до штаба не доедешь. Погоди немного. Как дадут нам команду – подавим этих стрелков, очистим дорогу, тогда скажи куда хочешь. Опять же ты нас спасал, оттого и задержался. Уж извинят тебя! Так что спешивайся,

передохни.

Он перешел на «ты», но даже и не заметил этого. Теперь Державин был для него таким же своим, как «родные» канониры и бомбардиры<sup>49</sup>. Чего между своими церемониться?

Державин подумал, кивнул и, спрыгнув на землю, хлопнул коня по холке:

– Пусть Буян отдохнет минутку. Надышался гарью да пылью!

Он вдруг чихнул. Конь тоже.

Канонир Самойлов, тот самый, который заливал гранату, громко прыснул.

– Эх, есть охота, – мечтательно сказал Державин. – Но уж теперь, видать, до победы. А она близка. Как-нибудь дотерплю до Парижа. Там и поедем, и выпьем. И шампанского закажем, и пулярку какую-нито.

– А вот дозвоьте спросить, ваше благородие, – подал голос Самойлов. – Что жирнее да вкуснее: пулярка тутошняя али наша курица?

– Это ты еще каплуна не едал, Самойлов, – хмыкнул Державин. – Каплун – выхолощенный петух. Ну а пулярка – курица такая же. А что вкуснее – думаю, это от приправы зависит. Слыхал небось, как в России с двенадцатого года говорить стали? Голодный, дескать, француз и вороне рад!

– Голод – известно, лучшая приправа, – согласился Самойлов. – А все же я лучше буду простую кашу лопать, чем

---

<sup>49</sup> *Бомбардир* – чин артиллерийской команды в русской армии.

петуха али куру выхолощенных!<sup>50</sup>

– Простую? – с невинным видом осведомился Державин. – А что не на шампанском?

Внезапно грянувший залп хохота вполне мог бы сравниться с грохотом пушечного залпа.

– Знаешь, что ли? – удивился Ругожицкий.

– Да все знают, как артиллеристы еще на пути в Париж отыскиали в развалинах погреб с шампанским вином, тысячу до тридцати бутылок, и все распили и разбили! – сообщил Державин. – Оставалось еще несколько штук бочек, так солдаты ставили их на дно, с шумной радостью сбивали сверху другое дно и манерками черпали животворную влагу; многие даже варили кашу на шампанском вине. Вот до какой роскоши вы дожили!

Расчеты опять захохотали.

– А знатная удалась каша! – воскликнул канонир Самойлов. – До сих пор голова от нее кругом! Жаль только, что не осталось больше: нынче у нас пшенка на воде да с солиной.

– Ничего, придете в Париж – душу отведете в тамошних кабачках и ресторациях, – посулил Державин. – Только смотрите, не заказывайте вина с виноградников Монмартра, не то замучаетесь укромный уголок искать, чтобы облегчиться. Мало того что оно, говорят, кислей кислого, так еще и урину нещадно гонит. Не зря про него говорят: выпьешь поссон,

---

<sup>50</sup> *Выхолощенный* – кастрированный (старин.).



выльешь кварта<sup>51</sup>, а по-нашему говоря, выпьешь полчарки – выльешь бочку.

Хохот стал еще громче.

В эту минуту мимо батареи промчался верховой трубач артиллерийского полка, громогласно подавая сигнал «К бою!».

– Наконец-то приказ двигаться! – радостно воскликнул Ругожицкий.

– Бог в помощь, поручик! – Державин вскочил на своего гнедого. – До встречи в Париже!

С этой минуты события начали развиваться стремительно. Генерал Рудзевич с егерями обходил холм Монмартр, двигаясь правее, по дороге в предместье Сен-Дени, Святого Дионисия; Ругожицкий с батареей перешел туда же и начал, наступая плутонгами<sup>52</sup>, бить неприятельскую кавалерию, которая, оставляя убитых, мчалась на гору, явно растерянная.

Вдруг из крайнего дома от подошвы горы выехал французский полковник в синем мундире и, размахивая белым платком, поскакал прямо к батарее.

Ругожицкий приказал остановить стрельбу, вышел перед батареей и крикнул:

– Что вам угодно?

---

<sup>51</sup> Старинные французские меры объема: поссон – чуть больше 100 мл, кварта – около 70 л.

<sup>52</sup> *Плутонг* (от *франц.* peloton – клубок, ком, рой; взвод) – название низших подразделений в Вооруженных силах Российской империи; стрельба плутонгами – стрельба мелкими залпами.

– Где ваш граф Ланжерон или прусский фельдмаршал Блюхер? – хрипло спросил полковник.

Ругожицкий взмахом руки показал ему направление и повернул было назад, к батарее, но полковник вдруг возопил с отчаянием в голосе:

– Остановитесь! Не стреляйте больше! Мы сдаемся!

Однако канонада по-прежнему доносилась со всех сторон; стрельба не прекращалась. Бой никак не мог уняться. Французы, несмотря на приказы, сопротивлялись с озлоблением отчаянным! Две их гранаты взорвались на позициях у пруссаков, левее батареи Ругожицкого.

Раздался ужасный гром, дым клубами поднялся к небу.

– Неужели зарядные палубы рванули? – пробормотал Ругожицкий.

Взрыв неожиданно послужил сигналом к штурму. «Ура!» – раздавалось со всех сторон, перемежаясь с барабанным боем. Все стремились на Монмартр. Французы, осознав свое поражение, не отстреливаясь, бежали вверх; только кавалерия их оставалась с левой стороны у подошвы горы. Ругожицкий отдал приказ прямо на марше сделать по ним несколько выстрелов и, зарядив пушки картечью, пошел на сближение. Но едва собрался дать залп по кавалеристам, как вдруг верховой появился на батарее Ругожицкого, крича:

– Стой! Не стреляй! От графа Ланжерона приказ – остановить военное действие по случаю перемирия!

Это был генерал Капцевич, командующий 10-м пехотным

корпусом, который привез весть о сдаче противника.

Так на высотах Бельвиля и Монмартра российские и союзные войска утвердили свою победу над Наполеоном и покорили столицу Франции!

К ночи зажгли в биваках огни, приготовили плотный ужин и мирно уселись у костров. Разнеслась весть, что завтра большой колонной войска союзников войдут в Париж, поэтому всем русским, от подпоручиков до высших чинов, надлежало привести в порядок парадные мундиры и нашить красные лампасы: по примеру самого императора. Однако артиллерии предстояло стоять на прежних позициях для охраны. Только высшие чины могли участвовать в торжественном шествии победителей. Ругожицкий к таковым не принадлежал, так что орудия и оружейные службы оставались на позициях самое малое до полудня, и лишь потом офицерам дозволено было пройти или проехать верхом в побежденный Париж.

# Прием у прекрасной Стефании

## Париж, 1832 год

Араго поднялся этажом выше. Здесь было светлее: луна смотрела в высокие окна; к тому же из-под двух неплотно прикрытых дверей пробирались довольно яркие желтые лучи аргандовых ламп<sup>53</sup>.

Ну разумеется, дома в тупике Старого Колодца освещались еще по старинке. Более пяти тысяч парижан уже обзавелись газовым освещением, однако могли себе позволить это только люди состоятельные, вдобавок именно те, чьи дома находились поблизости к одному из четырех заводов, снабжавших Париж газом. Самый старый из них располагался на территории Люксембургского сада: он обслуживал Люксембургский дворец, театр «Одеон» и часть аристократического Сен-Жерменского предместья. Второй завод находился неподалеку от заставы Мартир и подавал газ в квартал Шоссе д'Антен и в предместье Монмартр, а также в новый зал Оперы на улице Ле Пелетье. Третий, откуда газ шел на улицу Сент-Оноре и в Пале-Руайаль, был выстроен около заставы Курсель – вне городской черты. Самый большой завод

---

<sup>53</sup> Масляные лампы, изобретенные швейцарцем Ами Аргандом и необыкновенно популярные в описываемое время, поскольку не чадили и светили очень ярко, за что их также называли астральными лампами.

вырос на фобур Пуасоньер – предместье Рыбной торговли. Но ни один из них не обслуживал квартал Маре, то есть Болотный, площадь Вогезов и прилегающие к ней улицы, в том числе тупик Старого Колодца. Конечно, кроме этих крупных источников газа существовали еще и мелкие его производители, развозившие газовые баллоны по домам, однако такой газ стоил куда дороже – вряд ли польские эмигранты могли себе позволить такую роскошь.

Араго мог бы провести газ и в свою квартиру на улице Ришелье, и в редакцию, но не делал этого, предпочитая аргандовые лампы. Уж очень раздражал его назойливый свист газовых рожков!

Остановился на площадке, огляделся. За одной дверью фортепьяно исторгало из себя звуки полонеза, из чего легко было сделать вывод, что большинство гостей графини Заславской, а может быть и все – поляки. Теперь понятно, почему внизу висело так мало цилиндров. Остальные шаркают по паркету в непереносимых рогатывках!

Араго не испытывал ни малейшего желания танцевать, тем паче – танцевать полонез, поэтому отошел к другой двери, из-за которой неслись громкие и возбужденные мужские голоса.

Разговор шел по-французски: видимо, среди гостей были не только поляки. Речь шла о Польше, точнее, о тех событиях, которые произошли в Варшаве в ноябре 1830 года. О восстании! Поляки, затеяв его, мечтали о национальном

торжестве, однако эти события обернулись национальным позором, горем и эмиграцией. Впрочем, крепко ошипанное польское бохатэровье<sup>54</sup> поддерживалось многими французами, особенно теми, кто был чрезмерно вдохновлен минувшими революционными бурями. Араго помнил демонстрации, которые после падения Варшавы прошли перед зданием российского посольства в Париже. Кто-то даже пытался стрелять по окнам! А Поццо ди Борго в своем донесении так описывал впечатление, произведенное на Францию этими событиями: «Париж проведет несколько времени спокойно после пароксизма, им испытанного; но причина нового волнения будет существовать всегда. Король упал во мнении всех партий. Из всех государств, которые причиняют ему наиболее беспокойства, – Россия на первом плане. Революционные партии и печать усиливают неприязненное чувство короля к России».

«Неприязненное чувство», по мнению Араго, – это было слишком мягко сказано! Когда вспыхнуло Варшавское восстание, Франция радостно вострепелась. Ведь поляки в 1812 году воевали вместе с наполеоновскими войсками против русских. Это замечательно, что теперь шляхта подложила «тирану Николя» такого кролика! То-то попадет ему горчица в нос!<sup>55</sup>

---

<sup>54</sup> *Бохатэровье* – герои (польск.).

<sup>55</sup> Подложить кому-то кролика – эквивалент русского выражения «подложить свинью». Сунуть горчицу в нос – очень кого-то разозлить.

Впрочем, «тиран Николя», пусть не сразу, кролика крепко шуганул, горчицу под носом вытер, восстание подавил. Однако бывшие польские инсургенты, где бы ни собирались: в парижских кафе, ресторанах, клубах, в парках, в занимаемых ими жилищах, — беспрестанно обсасывали, облизывали, пережевывали события прошлого, не только оплакивая свое поражение, но и мечтая о реванше. Араго старался бывать в таких местах и вслушивался в долетавшие до него реплики, надеясь услышать что-нибудь определенное о дальнейших планах воинственных эмигрантов.

Собственно, именно поэтому он решил принять приглашение графини Стефании. А после прочтения письма Лукавого Взора исчезли всякие иллюзии, которые могли быть навеяны красотой этой дамы и тем влечением, которое Араго к ней испытывал.

Это враг. Враг, которого надо победить... любыми доступными способами, от самых жестоких до самых приятных.

Интересно, где сейчас графиня? В этой комнате? Или там, где танцуют?

Если даже Стефания находилась среди спорщиков, она молчала. Говорили только мужчины, а у них все шло по заезженной схеме. Само собой, зачитывали вдохновляющие строки из Манифеста повстанческого сейма (авторство принадлежало Адаму Чарторыйскому): «Весь польский народ, как по зову трубы архангела, воскресает и перед лицом удив-

ленных народов ставит преграды мраку и гнету!»

Араго мрачно кивнул. Польское общество было заражено гангреной ненависти к России. Ни излечиться от этого, ни воскреснуть обновленными было невозможно. А «гнет» заключался в том, что, согласно Конституции, дарованной Александром и подтвержденной Николаем, все ведущие должности в Польше были отданы полякам. Все! Великий князь Константин, брат российского императора и его наместник в Варшаве, даже взял в жены польку – Иоанну Грудзинскую, которая стала графиней Лович. Другое дело, что поляки хотели восстановить те границы своей страны, которые были у нее до первого раздела Польши в 1772 году. Вот что непрестанно подогревало знаменитый польский гонор!

А между тем за дверью, возле которой стоял Араго, с упоминанием вспоминали триумфальное начало восстания: как, ворвавшись в Бельведер, резиденцию великого князя Константина, начали искать его, по пути круша все, что попадалось под руку: били зеркала, сбрасывали на пол люстры... в крови лежал генерал Жандр, которого убили, приняв за великого князя. Полицмейстеру Любовидзскому нанесли двенадцать штыковых ран и оставили, приняв его за мертвого, но он каким-то чудом выжил. Теперь об этом страшно жалели.

Еще больше жалели о том, что дали возможность Константину уехать. Проворонивших его ничуть не утешало то, что они символически казнили на виселице портреты царских вельмож и даже их жен, бежавших из Варшавы.



– Прав оказался пан Юлиуш! Надо было не зевать, а еще до начала выступления подхорунжих схватить царского брата и заключить его в тюрьму! – выкрикнул кто-то. – Пан Юлиуш все ходы наперед просчитывает что в бою, что за карточным столом! Знатный игрок! Не послушались его – вот и упустили Костуся<sup>56</sup>!

Араго нахмурился.

Имя «Юлиуш» всегда ранило его.

«Успокойся. Каньский давно убит. Да мало ли панов Юлиушей на свете?!»

– Окажись тот клятый Костузь у нас в плену, Миколай<sup>57</sup> не осмелился бы расправиться с нами! Он заключил бы мир на наших условиях! – воинственно бубнили за дверью.

– Все для люда и через люд!<sup>58</sup> Народ с войском, а войско с народом!

– Если Европа даст нам погибнуть, если мы не уцелеем в неравной борьбе с северным колоссом, – горе народам Старого Света!

Араго вздохнул.

Народы Старого Света ждет большое горе, если они снова вяжутся в войну с этим самым северным колоссом. Неужели оные народы еще не усвоили урока восемьсот двенадцатого года?!

---

<sup>56</sup> *Костузь* – уменьшительная форма имени «Константин» в польском языке.

<sup>57</sup> Польская форма имени «Николай».

<sup>58</sup> Лозунг польских инсургентов. *Люд* – народ (польск.).

После серии причитаний, произнесенных срывающимися голосами, кто-то с ненавистью воскликнул:

– Забыли, как у нас говорят? От русского разит водкой, от немца – дерьмом, у француза воняют яйца. Никому из них нельзя верить!

– Ах вы твари неблагодарные! – прошипел Араго.

– А я уверен, что это москали спровоцировали наше восстание с помощью своих тайных агентов! – донесся истерический вопль. – Чтобы унижить Великую Польшу!

«Это что-то новенькое, – изумленно пробормотал Араго. – Сами додумались, панове, или подсказал кто?»

– Ешли кофею с пирогом желаете, ижвольте пройти в гостиную под лештницей, – раздался за его спиной знакомый голос.

Он резко обернулся. Андзя сменила замызганный передник на девственно-чистый – очевидно, именно поэтому Араго и не почувствовал предупреждающего «аромата», – однако в руках она держала свой прежний шандал с единственной свечой.

– Спасибо, но я откажусь, – буркнул Араго, размышляя, услышала ли служанка, как ядовито он комментировал высказывания, доносившиеся из-за двери. Опять выдал ей свое знание языка, а главное – враждебность к полякам. Ладно еще, что ничего не ляпнул по-русски!

Впрочем, ляпать что-нибудь по-русски Араго уже давно отучился: слишком долго и слишком крепко держал себя в

руках.

Андзя, покладисто кивнув, распахнула дверь и зычно провозгласила:

– Пожалуйста на каву ш пирогами, гошпода!

Видимо, бывшие инсургенты изрядно проголодались, потому что слышался грохот отодвигаемых стульев и из дверей вывалился добрый десяток людей в рогативках и кунтушах<sup>59</sup>. Однако ни одной женщины среди них не было.

Наверное, Стефания там, где танцуют.

Тем временем Андзя открыла другую дверь и повторила свой призыв.

Фортепьяно вмиг смолкло; из зала ринулись паны во фраках и дамы в бальных платьях. Кавалеров оказалось только трое: видимо, как раз они и оставили свои цилиндры в прихожей. Дам было в два-три раза больше: наверное, они танцевали с кавалерами поочередно.

Араго подавил ухмылку: веселиться в гражданской одежде можно, ну а спорить о политике следовало исключительно в национальной. Воистину, патриотическое неистовство поляков не имело границ!

И танцоры, и спорщики вынесли из комнат лампы, поэтому просторная площадка озарилась необычайно ярким светом. Все оживленно трещали по-польски.

Араго оглядывался, всматривался в лица, но напрасно. Графини не было и среди танцующих.

---

<sup>59</sup> *Кунтуш* – старинный польский кафтан.

Внезапно по лестнице, по которой уже начали спускаться самые горячие охотники до кавы, стремительно взбежала невысокая девушка в скромном темном платье. «Какая прелесть!» – подумал Араго, взглянув на ее лицо. Девушка вскричала, чуть задышавшись от быстрого бега:

– Господа, могу я видеть ее сиятельство графиню Заславскую?

– Вам зачем к ее сиятельству? – хмуро спросил, проталкиваясь вперед, кряжистый, коротконогий, широкоплечий поляк.

Араго прищурился. Он уже где-то видел этого человека, но где?..

– Вы кто?

– Я модистка из ателье мадам Роше, – объяснила девушка, отчаянно краснея, отчего показалась Араго еще более прелестной. – Привезла платье для ее сиятельства.

– Вот те на! – воскликнула Андзя. – Да ваш еще чаша нажид ждали! Где ж вы шлялишь штолько времени? Я все глажа проглядела!

– У фиакра колесо отвалилось, – прижимая руки к груди, объяснила девушка. – Долго чинили, потом ехали еле-еле... Не изволите ли передать госпоже, что платье готово?

– А где оно? – высунувшись из толпы окаменевших от любопытства дам, подала голос кругленькая светловолосая пани в розовом наряде, похожая то ли на булочку в розовой сахарной пудре, то ли на пышно распустившуюся бургунд-

скую розу.

– Оставила на крыльце, – виновато призналась модистка. – Оно упаковано в большую картонку, я боялась, что в погребке ее сомну, испорчу платье, а оно безумных денег стоит!

– Да уж, наша Стефка не стесняется чистить карманы польских патриотов! – насмешливо бросила дама в розовом.

Прочие гости тихонько закудахтали от с трудом сдерживаемого смеха, но веселье мигом прекратилось, когда немолодая особа со скорбным иссохшим лицом возмущенно воскликнула:

– Да как ты можешь так говорить, Фружа! Постыдись!

Араго почудилось, будто рядом с ним зашипел клубок хорошеньких змеек: молодые дамы, видимо, побаивались сердитой старухи. А розовая Фружа только сдобными плечиками передернула презрительно.

– Да жачем же вы, мамжель, в погреб лежгли? – вскричала Андзя, из-под своего громадного чепца изумленно глядя на модистку. – Да еще и грязи нанесли!

Башмаки модистки и в самом деле оставили на плитках пола черные следы.

– Я стучала, звонила, но колокольчик молчал, да и на стук никто не отзывался. Что мне было делать? Тогда я и решила пробраться в дом через погреб, – торопливо оправдывалась девушка.

– Я на штол накрывала и каву варила! – запальчиво вос-

кликнула Андзя. — У плиты ничего не слышно. А почему колокольчик не звенел, я не жнаю!

При этих словах она метнула опасливый взгляд на Араго. Тот, подмигнув, быстро приложил палец к губам, давая понять, что не собирается ее выдавать.

Андзя чуть кивнула своим громадным чепцом — видимо, поблагодарила, — и заспешила вниз по лестнице. Араго не сомневался, что она отправилась заметать следы: развязывать веревку колокольчика.

Впрочем, сабо так громко застучали, что Андзя, опасаясь привлечь к себе внимание, пошла еле-еле, осторожно опуская ноги на ступеньки.

Араго с трудом удержался от смеха. Неужели не догадается снять сабо, чтобы не топать?

Широкоплечий поляк подозрительно уставился на модистку:

— Как вы попали в погреб? Разве он открыт?!

— Да, — кивнула девушка. — Дверь притворена.

— Холерни ленивы!<sup>60</sup> — выругался поляк. — Но откуда вы знали, что через погреб можно проникнуть в дом?!

— Я... — с запинкой проговорила девушка, — то есть мы, наша семья, когда приехала из Монморанси, сняли жилье поблизости, и я не раз играла в этом особняке, когда он стоял пустой, заброшенный. Это было давно, еще в пору моего детства! Я иногда ездила и до сих пор езжу в Монморанси

---

<sup>60</sup> Холерни ленивы! — Проклятые лентяи! (*польск.*)

к тетке, но ни за что не стала бы там жить. Родители тоже не хотели туда возвращаться. Ах, как мне здесь нравилось! Мы с друзьями забирались в сад, потом пролезали в погреб через окошко, которое за кустами, а потом и в сам особняк.

Араго перестал дышать. Сердце замерло.

Погреб... окошко, прикрытое кустами...

Да неужели это она – та самая, которая спасла ему жизнь восемнадцать лет назад?!

# В тот далекий, прошлому принадлежащий день... Париж, 1814 год

В тот далекий, прошлому принадлежащий, навсегда запомнившийся день – 31 марта 1814 года – Фрази Бовуар стояла в толпе на обочине Итальянского бульвара рядом с матерью и отчимом, стараясь не выпустить их рук, потому что со всех сторон толкались, и жалея, что у нее всего одна пара ушей. Шестилетняя Эфрази-Анн-Агнес (таково было полное имя Фрази) вообще была крайне любопытна, а разговоры со всех сторон неслись настолько интересные, что ей хотелось бы услышать их все, от начала до конца. Но ушей по-прежнему имелась только одна пара, а потому девочка знай вертела головой так, что в конце концов капор съехал и теперь болтался за спиной, держась только на лентах.

Кто-то громогласно причитал, что минувшей ночью Париж капитулировал и открыл ворота северным варварам, которые, конечно, уничтожат и столицу, и вообще всю Францию, которую великий император Наполеон Бонапарт чуть не сделал властительницей мира.

– Какого дьявола! – огрызнулся другой голос. – Ваш великий император сам *чуть* не уничтожил Париж! Неужели вы не знаете, что, отступая, он приказал взорвать главный по-



роховой склад, чтобы превратить столицу в «кладбище для иностранцев»?! Всех нас и наш город спасло только то, что полковник Лескúр отказался выполнять устный приказ и потребовал письменного подтверждения. На счастье, ближайшие соратники императора успели уговорить его не губить город, поэтому Париж, а также мы все были спасены.

Впрочем, люди не слушали друг друга; восклицания неслись со всех сторон:

– А вы знаете, что у русских сегодня еще только 19 марта?<sup>61</sup> У них числение дней юлианское, варварское! Как бы не заставили нас перейти на свой языческий календарь!

– Нас коварно обманывали! Бои шли уже на заставе Клиши, на Монмартре, а нам трубили победные марши о том, что русские отходят! Но они не отходят, а входят!

– Позавчера императрица Мария-Луиза и Римский король, сын Наполеона, уехали в Рамбуйе. А в той же позолоченной карете, в которой Бонапарт ездил на коронацию, вывозили их вещи!

– Императорская семья спасается от казаков, а нас бросает на разграбление!

– А я куда больше боюсь не казаков, а нашей черни. Как бы опять на Гревской площади не поставили «малышку Луизон»!<sup>62</sup>

---

<sup>61</sup> В русской мемуарной литературе 31 марта 1814 г. чаще обозначается как 19 марта.

<sup>62</sup> Имеется в виду механизм, с помощью которого во время Великой француз-

– Монгольские орды поработят нас! Одна надежда, что о нас позаботятся пруссаки и австрийцы, это все-таки цивилизованные люди, да и королевой у нас была австриячка...

– Вы о которой австриячке говорите? Уж не о Марии ли Антуанетте, которую любящие сограждане отправили на гильотину в конце минувшего века?

– Нас убьют, нас ограбят и убьют и австрияки, и пруссаки, и монголы!

– Уверяю вас, что в российской армии нет никаких монгольских орд и казаков! А император Александр не допустит разграбления Парижа и нашей гибели! Он благороден и великодушен! – раздался взволнованный женский голос, и Фрази с удивлением узнала голос матери.

– Дорогая, тише! – пробормотал отчим, не без опаски оглядываясь.

На миг рядом с мадам Бовуар все замерли; на нее уставились с изумлением.

– Хотел бы я знать, почему вы так в этом уверены, мадам? – неприязненно воскликнул высокий темноглазый человек в потертом до пролысин коричневом бархатном рединготе. Он словно бы шипел, выговаривая слова. От злости,

---

ской революции отрубали головы аристократам, а позднее и якобинцам. Гильотиной это орудие называли по фамилии его изобретателя, Жозефа Гильотена, а «малышкой Луизон» – по фамилии доктора Антуана Луи, который первый предложил использовать гильотину для публичных казней, еще с XIV в. проводившихся в Париже на Гревской площади (ныне площадь Отель-де-Виль, Городской ратуши).

может быть?

Пуговицы на его рединготе через одну были оторваны, и Фрази тихонько хихикнула. Но тут же ей стало не до смеха, потому что человек повысил голос:

– Быть может, вы состоите в переписке с русским императором? Быть может, вы русская шпи...

– Заткнитесь, сударь! – рявкнул Филипп Бовуар, заслоня собой жену и Фрази, но внезапно по толпе словно волна прошла – волна криков, свиста, смеха: люди передавали друг другу, что войска союзников уже вошли в ворота Сен-Мартен, Святого Мартина!

Все разговоры, споры, страхи, обвинения вмиг были забыты.

Бульвары Парижа приготовились встречать победителей!

– Парижане – они как дети, – проворчал какой-то старик, стоявший рядом с Фрази. – Нам лишь бы на что-нибудь тарашиться, разинув рот!

Девочка робко улыбнулась ему, не зная, хорошо это или плохо.

– Смотрите, ах смотрите, Фрази, Филипп! – воскликнула мадам Бовуар, закинув голову. – Наверх смотрите!

Фрази подняла глаза и тоже ахнула: из окна каждой мансарды высовывалось по несколько голов; даже на крыше, цепляясь за каминные трубы, стояли люди. И все кричали, свистели, хохотали, махали белыми платками...

– Как бы кто не упал, – пробормотал отчим.

– Повернись ко мне, – сказала мадам Бовуар дочери и прикрепила ей на пелеринку заранее приготовленную белую розетку. Потом приколотла такую же себе и мужу.

Кругом там и сям люди тоже прикалывали на грудь белые розетки или просто ленты. Белый цвет был знаком возвращения Бурбонов<sup>63</sup>, знаком графа Прованского, готового провозгласить себя Людовиком XVIII, возвращения которого ждала вся Франция, даже та ее часть, которая не так давно бурно радовалась, когда отрубали голову Людовику XVI и «австриячке» Марии-Антуанетте, когда в Тампле<sup>64</sup> умирал ее сын, десятилетний принц Луи-Шарль, который мог бы стать Людовиком XVII... Граф Прованский<sup>65</sup>, брат покойного короля, не мечтал о престоле, он даже, будучи в эмиграции, провозгласил королем маленького племянника, однако теперь граф стал символом будущего, которое казалось благостным, спокойным, мирным и приближалось с каждой минутой в слаженном топоте коней, барабанном бое и звуках музыки – эти звуки все отчетливей пробивались сквозь крики и почти истерический смех доведенных до восторженно-

---

<sup>63</sup> *Бурбоны* – французская королевская династия, правившая Францией с 1589 по 1792 год и с 1814 по 1830 год.

<sup>64</sup> *Тампль* – средневековая крепость в старом Париже. После революции он заменил разрушенную Бастилию, став тюрьмой. Монархисты видели в нем символ казни королевской семьи: Тампль стал местом паломничества, поэтому в 1808–1810 годах был разрушен по приказу Наполеона.

<sup>65</sup> *Людовик XVIII* – младший брат Людовика XVI, носивший во время его царствования титул графа Прованского; французский король в 1814–1824 годах.

го иступления парижан.

— Мамочка, они уж близко! — воскликнула Фрази, показывая на колышущееся где-то над бульваром Бон-Нуviel пыльное, пронизанное солнечными лучами марево.

Мадам Бовуар не могла говорить от волнения. Муж заметил, что ее глаза полны слез, и только вздохнул.

В эту минуту толпа, запрудившая мостовую, подалась на обочины, давая дорогу великолепной кавалькаде, которая неудержимо приближалась.

...Впереди всего парада маршировали лейб-гвардии Донской и Уланский полки цесаревича Константина Павловича. Конечно, эти названия Фрази узнала позднее, а сейчас она могла только восхищенно наблюдать, как двигаются один к одному рослые, породистые кони, как великолепны всадники, как фантастичны одежды казаков, как сверкают их оружие и уланские каски, как мерно колышутся плюмажи. За передними полками на некотором расстоянии следовала сотня лейб-запорожцев, которые составляли конвой Александра Первого; потом скакали два генерал-адъютанта: российского императора и короля Прусского. И наконец появились оба союзных монарха.

Фрази, забыв обо всем от восторга, протиснулась вперед. Капор свалился и мигом был затоптан чужими ногами, но она даже не оглянулась.

Мадам Бовуар, смахивая слезы, вглядывалась в лица русских воинов, словно надеялась найти среди них одно, бесконечно любимое и незабываемое... знала, что не найдет, и все же уповала на чудо небесное.

Муж смотрел на нее печально. Он привык к той боли, которую так часто причиняли ему любимая женщина и приемная дочь. Утешало только то, что они делали это бессознательно.

Но сейчас снова ожгло словно огнем. Филипп Бовуар боялся, что этот день разрушит его счастье и покой, но старался не показывать своего страха, скрывал его даже от себя.

Нет, ничего плохого не случится! Дмитрий Видов – единственный человек, который мог лишить Филиппа обожаемой жены и дочери (Филипп Бовуар любил Фразы как родную!), мертв уже шесть лет тому. Он простудился – и в несколько дней сгорел от горячки по пути из Франции в Россию, куда направлялся, сопровождая российского посланника Толстого.

Видова похоронили в каком-то провинциальном городишке. Эта весть едва не убила Жюстину, но сделала счастливым Филиппа Бовуара. Однако выпадали дни, когда ему казалось, что счастье его висит на волоске.

Благодарение Богу, что девочке не все известно. Она, к сожалению, знает, что Филипп Бовуар ее отчим, но кто был родным отцом, не ведает. Думает, что француз, который давно умер от какой-то опасной болезни. И уверена, что мать

тайком учит ее русскому языку только потому, что она сама наполовину русская: учит в память о своей покойной матери, Эуфрозине Вестинже, бабушке Фрази, в честь которой девочку и называли Эфрази.

На миг негодование, которое копилось в душе Филиппа Бовуара годы и годы, затмило разум. Да понимают ли эти два существа, которые дороги ему больше всех на свете, что он сделал для них?!

Филипп помнил тот майский день 1812 года, когда гильотинировали Мишеля Мишеля, бывшего чиновника Управления обмундирования войск Министерства военной администрации. Он был приговорен к смерти за шпионаж в пользу России. Казнены были и его сообщники из военного министерства, а также Жак Вестинже, служивший консьержем при российском посольстве и игравший роль посредника между ним – и завербованными чиновниками французских военных министерств.

Если бы кто-то узнал, что Жюстина, дочь Вестинже, родила ребенка от бывшего секретаря российского посольства, этого гнездилища врагов Франции, – она разделила бы участь отца! И что тогда случилось бы с девочкой?!

На счастье, у Вестинже хватило ума предвидеть свое печальное будущее. Едва узнав о смерти Дмитрия Видова, он настоял на том, чтобы беременная Жюстина вышла за Филиппа Бовуара. Тот был влюблен в Жужу, как он называл Жюстину, с самого детства он женился бы на ней, будь у Жу-

жу пятеро незаконных детей, будь она преступницей и каторжанкой, лишись она рук и ног! У бедняжки не нашлось сил противиться, да и о судьбе ребенка надо было думать. Филипп увез жену в Нанси, на свою родину: подальше от досужей, недоброй молвы. Там и родилась Фрази. По обычаю, первое имя – Эфрази – ей дали в честь бабушки со стороны матери, второе – Анн – в честь бабушки со стороны отца, и Филипп видел особое благоволение небесных сил в том, что и его мать, и мать покойного Дмитрия Видова были тезками. Ну а Святая Агнес, давшая третье имя, покровительствовала тому дню, когда девочка появилась на свет – раньше срока, слабенькая... Впрочем, Фрази быстро окрепла. Семья Бовуар благополучно прожила в Нанси шесть лет и лишь зимой 1814 года, осознав, что городок может оказаться на пути войск союзников, стремящихся к столице, покинула Нанси, вернувшись в Париж, в старый дом Филиппа, находившийся в тупике Старого Колодца.

Мсье Бовуар думал, что все в прошлом, все успокоилось. Но сейчас, увидев выражение лица жены, понял: ничто не в прошлом, ничто не успокоилось и не успокоится никогда. Жюстина не забыла и не забудет своего мертвого любовника. Неужели ее муж не испил еще до дна чашу ревности?!

Однако Бовуару слишком дороги жена и приемная дочь. Он никогда и ничем не упрекнет их...

И Филипп, и его жена были настолько увлечены своими



тайными переживаниями, что не заметили, как Фрази исчезла.

Девочка восторженно разглядывала обоих государей, гадая, кто из них российский император. Один, облаченный в кавалергардский сюртук, темно-зеленый с черным бархатным воротником и серебряным прикладом<sup>66</sup>, в шляпе с белым султаном, ехал на белой лошади; другой – на темно-серой, и Фрази засмеялась от счастья, сообразив, что русский император, император-освободитель, государь далекой России – страны, о которой она много слышала, которую видела во сне! – может восседать только на этом прекрасном, белоснежном коне... белом, как русский снег.

– Это же тот самый конь, которого подарил Александру Наполеон! – чуть ли не взвизгнул кто-то в толпе. – Его зовут Эклипс!<sup>67</sup>

Ему ответил хохот:

– На свою голову подарил!

Настроение толпы, которая еще недавно была настроена настороженно или опасливо по отношению к победителям, уже изменилось. Теперь все любовались этим статным красавцем – российским императором, который оказался очень

---

<sup>66</sup> *Приклад или прибор мундирный* – цветное сукно, шедшее для изготовления цветных воротников, клапанов, обшлагов, выпушек (кантов), или металлические детали мундира и снаряжения: пуговицы, бляхи, пряжки.

<sup>67</sup> Существует версия, будто Наполеон подарил Александру коня Эклипса в 1807 году, при заключении Тильзитского мира. Впрочем, даты происшедшего, описание масти коня и его кличка у разных мемуаристов варьируются.

великодушен к завоеванной столице: не позволил ее разрушить и разграбить и обещал бывшим противникам защиту и прощение.

За монархами следовали рядами фельдмаршалы, за ними генералы и воины разных чинов, составлявшие их свиты. За кавалькадой шел знаменитый Преображенский оркестр с капельмейстером Дерфельдом. Потом маршировала скорым шагом колонна пехоты, состоявшая из почетных полков союзных государей. Замыкали шествие гусары и уланы, охранявшие тылы колонны.

Голова шествия уже повернула на бульвар Капуцинок, ведущий к площади Мадлен, святой Магдалены; туда же потянулась и толпа зрителей. Суматоха поднялась немилосердная, потому что многие захотели перебежать к Мадлен проулками, чтобы сократить путь. Мадам Бовуар вдруг спохватилась, что дочери нет рядом, принялась озираться, пытаясь ее отыскать, но толпа напирала, теснила, уносила с собой.

– Фрази! – в ужасе крикнула она, однако громоуханье оркестра заглушило ее голос.

А Фрази, забыв обо всем, не в силах оторвать взгляда от восхитительной кавалькады, подходила все ближе и ближе к краю мостовой. И вдруг кто-то толкнул девочку в спину с такой силой, что ее бросило вперед... и она упала как раз на пути последних рядов всадников.

Конь взвился над ней на дыбы, блеснули копыта, Фрази рванулась в сторону, однако верховой, пытаясь спасти девоч-

ку и надеясь, что она останется неподвижной, поворотил коня как раз туда, куда устремилась она. Снова нависли над ней тяжелые кованые копыта, но в эту самую минуту чьи-то руки стиснули Фразу, с силой дернули в сторону, потом вверх, потом перед ее вытаращенными от ужаса глазами мелькнул бок гнедого коня, а еще через мгновение девочка вдруг обнаружила себя сидящей в седле, приткнувшись щекой к чему-то золоченому, блестящему. Ее слегка потряхивало – это мерно шел конь. Но руки всадника по-прежнему держали ее крепко.

– Ай молодца, Державин! – завопил кто-то, перекрывая гром оркестра.

Луч солнца ударил в золото и ослепил Фразу. Она снова зажмурилась и провела руками по золоченому поясу, эполетам и жестким шнурам. Потом нащупала ткань.

Кто-то засмеялся над ее головой. Смеялся мужчина. Смех у него был ласковый, успокаивающий.

– Ты глаза-то открой, мадемуазель, – раздался негромкий голос, говоривший на чужом, но все-таки знакомом Фразе языке. – Неужто боишься?

Фраза слегка приоткрыла глаза.

– Эй, Державин! – крикнули рядом. – Забыл, что ты уже в Париже, а не в Москве? Что ты с ней по-русски парлекаешь? Она ж тебя не понимает.

– Я знать понимать русски! – бойко выкрикнула Фраза и взглянула на человека, который спас ее. – Немножко!

Серые глаза, окруженные густыми черными ресницами, изумленно смотрели на девочку.

– Знать понимать? Взаправду? Ты русская, что ли?!

– Да, – засмеялась она, разглядывая румяное лицо и темно-русые усы. Мундира всадника почти не было видно под золотыми шнурами, и Фрази казалось, что ее спаситель весь покрыт золотыми сверкающими доспехами. – Да, немножко!

– Фрази! О боже мой! – раздался истошный крик, и девочка повернулась к бледной от ужаса матери, которая семенила по краю мостовой, опасаясь слишком близко подойти к могучим коням.

Мсье Бовуар спешил следом, испуганно глядя то на жену, то на падчерицу.

– Мамочка, дядя Филипп, все хорошо! – завопила Фрази, задыхаясь от счастья. – Это русские!

Мадам Бовуар слабо улыбнулась, прижимая руки к бешено колотившемуся сердцу.

– А вы тоже знать понимать русски, мадам? – весело спросил сероглазый. – Немножко?

Он произнес эти слова, так удачно подражая акценту Фрази, что и сам рассмеялся.

– Державин, не ломать строй! – раздался сердитый окрик.

Всадник, перехватив Фрази под мышки и свесившись с седла, ловко опустил ее рядом с матерью.

– Простите, мадам, мадемуазель, мсье! Служба! – произнес он уже по-французски, потом подбросил руку к киверу,

заставил своего гнедого влиться в общий строй – и сияющий, сверкающий, улыбающийся спаситель Фрази исчез за спинами тех, кто следовал за ним.

Колонна, поворотив с бульваров, прошла по улице Руайаль, Королевской, на площадь Людовика XV, стараниями Наполеона великолепно украшенную и обставленную египетским, древнегреческим и римским мрамором и гранитом. Там император Александр и король Прусский остановились, чтобы принять парад войск, проходивших мимо их величеств с громом барабанов и шумом музыки, которая разносилась чуть ли не на полгорода. После этого на просторных Елисейских Полях должны были стать биваком русские войска.

– Я чуть с ума не сошла от страха! – воскликнула мадам Бовуар, прижимая к себе дочь. – Как ты попала в седло к этому господину?

– Да ее чуть не убило копытами! – завопил кто-то рядом. – Эти варвары нарочно направляли коней на толпу!

Он говорил с каким-то шипящим акцентом, который показался Фрази знакомым.

Она оглянулась и увидела, что кричит тот же самый человек в коричневом рединготе без пуговиц, недавно обвинявший ее мать невесть в чем.

– Это неправда! – возмутилась девочка. – Меня кто-то толкнул! Но я даже не успела испугаться, как мсье Дер-жавин меня подхватил! И никакие они не варвары! А вы лучше

пуговицы пришейте, чем врать!

Лицо человека в рединготе исказилось такой яростью, что Филипп Бовуар шагнул вперед, грозно поднимая увесистую трость.

– Дер-жа-вин! – передразнил незнакомец. – Паршивка, жаль, что тебя не затоптали! – И нырнул в толпу.

Мать и дочь снова обнялись, а мсье Бовуар подумал, что у этого человека какой-то странный акцент.

Фрази чувствовала, как торопливо колотится сердце матери, как неровно, резко она дышит. Руки, гладившие Фрази по голове, были холодные – это даже через перчатки чувствовалось.

– Мамочка, тебе нехорошо? – Девочка отстранилась, встревоженно взглянула в бледное лицо матери.

– Я очень испугалась, – постаралась улыбнуться Жюстина.

Мсье Бовуар и Фрази еще немного подождали, пока она не начала дышать спокойней, и пошли потихоньку домой, в тупик Старого Колодца близ площади Вогезов. Увидали капор Фрази, затоптанный сотнями ног и превратившийся в грязный бесформенный блин, однако подбирать его, конечно, не стали.

Мать и дочь скоро устали, однако наемный фиакр долго не попадался: чудилось, встречать армию победителей на Елисейские Поля отправился весь Париж – даже кучера вместе со своими повозками!

Наконец экипажи начали появляться и один удалось оста-

новить. Впрочем, мадам Бовуар и Фрази скоро пожалели об этом: смуглый горбоносый возница ворчал всю дорогу, проклиная «разбойников, которые победили Наполеона, а теперь чувствуют себя в Париже как дома».

– Даже небеса оплакивают гибель Великой армии, проливая дождь! – восклицал он. – Но мы им отомстим!

Фрази порывалась спросить, как он собирается отомстить небесам, но мать, почувствовав неладное, крепко сжала ей руку.

Отчим покачал головой, сурово взглянув на девочку. Мадам Бовуар была так бледна, так испугана, рука ее так дрожала, что Фрази не сказала ни слова.

– Мы никогда не простим русских! – не без труда разворачивая фиакр в тесном тупике, выкрикнул возница на прощание, ободренный молчанием седоков и принимая его за согласие.

Семья вошла в калитку сада, окружавшего их скромный дом. За спиной гроыхали по булыжникам колеса отъезжавшего фиакра, но внезапно грохот стих.

Фрази оглянулась.

Фиакр остановился у ограды заросшего, неухоженного сада, в глубине которого прятался серый особняк, уже изрядно поросший мхом и повитый плющом. Только этот особняк да небольшой дом семьи Бовуар и находились в тупике Старого Колодца. Возница спрыгнул с козел, по-хозяйски открыл ржавую калитку и вошел.

Фрази тихо ахнула.

Это куда он направляется? Неужто в дом? Нет, он стоит у дверей погреба...

Но ведь это погреб Тибо!



# Соперники

## Париж, 1832 год

Араго с надеждой всматривался в милое испуганное личико модистки. Восемнадцать лет назад, в 1814 году, той девочке, которая спасла ему жизнь, было шесть или семь лет. У модистки каштановые волосы и темные глаза, то и дело заплывающие слезами: видимо, боится, что за опоздание ее ждет нагоняй от графини. Та девочка тоже плакала, дрожа от жалости и страха и убирая с лица растрепанные кудрявые пряди, глядя на Державина. Рядом топтался Тибо, который старался выглядеть молодцом...

Араго тяжело вздохнул.

Он не помнил, какого цвета были глаза и волосы его спасительницы. Казалось, никогда не забудет эту чумазую мордашку, но нет, забыл! Помнил только имя. Имя мальчишки тоже помнил.

Фрази и Тибо – вот как их звали.

Фрази!..

Неужели это она? Неужели она?!

Нет, не может быть. Модистка совсем юная. А Фрази сейчас должно быть лет двадцать пять, не меньше.

– Да где же ее сиятельство?! – взволнованно воскликнула девушка, и внезапно с середины лестницы раздался голос

Андзи:

– Да ее шиятельство, наверное, в будуаре ваш поджидает. Вон туда пройдите, – она махнула в сторону комнаты, где бывшие инсургенты несколько минут назад лелеяли свой польский гонор. – Анфиладою<sup>68</sup> идите, второй апартамент – это и ештЬ будуар.

– Ой, сначала надо платье с крыльца забрать! – спохватилась модистка и побежала вниз по лестнице.

Андзя, видимо, сообразив, что сейчас раскроются ее проделки с колокольчиком, скинула сабо, схватила их в охапку и ринулась следом, приговаривая:

– Погодите, погодите, мамжель, отопру!

Широкоплечий поляк тоже заспешил, прыгая через ступеньки, и мигом обогнал обеих.

«Попалась Андзя! – усмехнулся Араго. – Однако где же все-таки я видел этого человека?..»

– Але, панове<sup>69</sup>, наверняка наша кава уже простыла, – воскликнул кто-то, и теперь уже все гости помчались вниз, словно умирали от жажды и голода. Впереди бежали паны, предоставив дамам осторожно спускаться в своих шелковых бальных башмачках по скользким ступенькам.

Араго сделал шаг назад, решив воспользоваться случаем и незаметно проскользнуть в будуар графини, прежде чем

---

<sup>68</sup> *Анфилада* – длинный сквозной ряд комнат, все их двери находятся на одной оси. Можно пройти всю анфиладу, никуда не сворачивая.

<sup>69</sup> Але, панове... – Однако, господа... (*польск.*)

модистка принесет туда новый наряд. По его расчетам, в запасе было минут пять. Он не оставил надежды затеять интрижку с прекрасной Стефанией, а момент внезапности может обеспечить успех свидания. Ничего особенного добиться времени не хватит, но поцелуй можно успеть сорвать, если повезет! Араго не раз убеждался на собственном опыте, что первый поцелуй – залог немалого успеха. А то, что польская красавица графиня, безусловно, опасна, можно сказать, враг, придавало ситуации не только особую пикантность, но и побуждало к решительным действиям.

«Без страдания ничего хорошего не получишь!» – лицемерно вздохнул наш герой и уже сделал было первый шаг к «страданиям», как вдруг...

– Кто вы и как сюда попали, мсье? – раздался вдруг вкрадчивый голосок, и Араго, обернувшись, увидел рядом ту самую даму в розовом, которая так нелюбезно отозвалась о хозяйке. Фружа – кажется, так называли ее приятельницы? – Я вас раньше здесь никогда не видела!

– Меня зовут Жан-Пьер Араго, я... – начал было рекомендоваться Араго, но Фружа перебила его:

– Ах да, вы редактор «Бульвардье»! Значит, Стефка и вас уловила в свои сети? – хохотнула Фружа. – Положительно, она собирает коллекцию из журналистов!

– Собирает коллекцию из журналистов? Вы видели в этом доме так много нашего брата? – улыбнулся Араго.

– Конечно, – задорно кивнула Фружа. – Я ведь частенько

здесь бываю. И знаю всех гостей моей кухни Стефании.

– Графиня – ваша кухня? Но вы говорите по-французски, как француженка, совершенно без акцента, мадемуазель... – с улыбкой проговорил Араго и вопросительно умолк.

– Мадам Ревиль, – уточнила его собеседница. – Эуфросина Ревиль.

Араго искренне надеялся, что при звуке этого имени на его лице ничего не отразилось. Эуфросина – это у поляков то же самое, что по-русски Евфросиния, а по-французски – Эфрази... Фружа – то же самое, что Фрази!

А вдруг?..

– На самом деле наше родство со Стефкой очень отдаленное, но мы называем друг друга кухнями, это гораздо удобней, чем всем и каждому объяснять, – продолжала болтать мадам Ревиль. Потом она обворожительно улыбнулась и добавила вкрадчиво: – Кстати, хорош не только мой французский, но и русский...

– Я слышал, угнетатели из России принуждали жителей бывшего Царства Польского непременно изучать свой язык, – посочувствовал Араго, для которого не было секретом, что почти все представители «великой эмиграции» говорили по-русски. Впрочем, они стыдились этого в той же степени, в какой гордились знанием французского!

– Ах, Матка Боска!<sup>70</sup> – хохотнула Фружа... пардон, мадам Эуфросина Ревиль. – Я ни дня не жила в Польше, уж не

---

<sup>70</sup> Матка Боска – Матерь Божия (польск.).

знаю, к сожалению или к счастью. Я родилась в Париже! Моя мать – француженка, отец – поляк; некоторое время он служил в посольстве Российской империи, отсюда мои знания языка.

Фрази была уверена, что ее отец – француз, а не поляк. Но мать была русская!

Не она. Не она!

Только имя такое же.

А если Араго что-то забыл, что-то перепутал? Или Фрази ошибалась? Или нарочно врет сейчас, отводит глаза? Или просто боится признаться, что ее отец был русский?

– Отец несколько лет служил при князе Куракине, – продолжала лопотать мадам Ревиль. – Вы, конечно, слышали о его расточительности, поражающей воображение?

Служил при князе Куракине?..

Перед глазами так и встал покосившийся крест на могиле Дмитрия Видова с датой смерти: ноябрь 1808 года.

Но князь Куракин появился в Париже в качестве русского посла только в октябре 1808 года. Дмитрий Видов никак не мог успеть послужить при нем «несколько лет»!

Значит, Видов не был отцом мадам Ревиль. Значит, это не Фрази.

– Мсье журналист, вы, кажется, уснули? – прервал его мысли голос мадам Ревиль. – Вы слышали о мсье Куракине и его расточительных привычках?

– Помилуйте! – развел руками Араго. – Юность моя про-

шла далеко от Парижа – в провинциальном бургундском Тоннере! И хоть там некогда появился на свет знаменитый шевалье д'Эон<sup>71</sup>, это было последним выдающимся событием истории моего родного города. Туда вообще никакие светские новости не доходили!

Конечно, Араго лукавил, а точнее выразиться, отъявленно врал. Юность его прошла вовсе не в заброшенном Тоннере, а о князе Куракине он был довольно наслышан от Поццо ди Борго, даже читывал донесения князя о неизбежности войны Франции и России: «Лучшая система этой войны, по моему мнению, – это избегать генерального сражения и, сколько возможно, следовать примеру малой войны, применяемой против французов в Испании<sup>72</sup>, и стараться затруднениями в подвозе припасов расстроить те огромные массы, с какими идут они на нас». Уже в декабре 1811 года, отправляя доклад канцлеру Румянцеву, который в пору Наполеоновских войн занимал пост министра иностранных дел России, Куракин призывал: «Не время уже нам манить себя пустой надеждой, но наступает уже для нас то время, чтобы с мужеством и непоколебимой твердостью достояние и целостность настоящих границ России защитить». До последнего дня свое-

---

<sup>71</sup> Шарль д'Эон де Бомон – французский дворянин, тайный агент Людовика XV во многих странах, в том числе и в России; известный также тем, что первую половину жизни он провел как мужчина, а вторую – как женщина.

<sup>72</sup> Имеется в виду сопротивление гверильясов – испанских народных партизан, которые действовали на Пиренейском полуострове еще в эпоху римских войн и особенно отличились во время захватнических походов Наполеона.

го пребывания во Франции князь Куракин пытался уладить отношения между двумя странами и покинул Париж уже после начавшегося вторжения Наполеона в Россию.

Да, Араго вполне мог бы много интересного порассказать мадам Ревиль, однако он повторил свой недоумевающий жест и с невинным выражением воскликнул:

– Сами посудите, каким же образом я в Тоннере мог слышать о князе Куракине и его расточительности?!

– Ну мало ли, – пожалала прелестными пышными плечиками мадам Ревиль, играя своими хорошенькими янтарными глазками. – Не в Тоннере, так позже, в Париже...

Араго, который, само собой разумеется, умел отлично играть в подобные игры, ответил столь же шаловливым взглядом, стараясь замаскировать овладевшее им беспокойство.

Что за странный разговор... На что Фружа намекает?

Впрочем, он тут же получил ответ:

– Вы журналист, вы со многими общаетесь – могли и с русскими начать водиться. Вы ведь слывете русофилом! Имя нынешнего посла Российской империи вам наверняка известно. Это какой-то корсиканец.

– Неужто Наполеон Бонапарт? – съехидничал Араго.

Мадам Ревиль сверкнула лукавыми янтарными глазами:

– Да вы шутник, сударь! Неужто не знаете, кто нынешний посол?

– Конечно знаю, – с таинственным видом прошептал Араго. – Это граф Шарль Андре Поццо ди Борго. А также мне

известно, что Великобританию в Париже представляет сэр Чарльз Стюарт, барон де Ротсей, Австрию – герр Франц фон Тугут, Испанию – сеньор Хосе Гутьеррес де ла Конча, Америку – мистер Эдвард Ливингстон, Пруссию – герр Генрих Александр фон Арним... Конечно, лично я с этими господами не знаком, но имена их знаю: ведь я по долгу службы читаю государственные бюллетени.

– Однако к русским, – задумчиво проговорила мадам Ревиль, – к русским вы особые симпатии испытываете, если судить по вашим статьям... Даже поэтов русских печатаете в очень недурных переводах. Пушкин ваш любимчик, кажется? Видела, видела недавно у вас в «Бульвардье» его стихотворение «Une matinée d'hiver». Как это там... «Hier, t'en souviens-tu? c'était la chasse-neige...»<sup>73</sup> Мне очень понравилось, право!

– Да неужели вы читаете газеты? – с искренним изумлением спросил Араго, хотя ему очень хотелось съехидничать и спросить: «Да неужели вы умеете читать?!» Ну да, вид у хорошенькой мадам Ревиль был самый что ни на есть легкомысленный!

– Да, вообразите, – хихикнула мадам Ревиль. – Я читаю множество газет и даже хочу попробовать себя в журналистике, чтобы отвлечься от моей печальной участи. Видите

---

<sup>73</sup> «Зимнее утро». «Вечером, ты помнишь, была метель...» (Перевод строки «Вечер, ты помнишь, вьюга злилась...») Стихотворение переведено на французский язык Э. Мещерским в 1830 году.



ли, мой супруг скончался... – Тут она перехватила взгляд, который Араго устремил на ее розовое платье, и добавила, легкомысленно передернув плечами: – О, это случилось уже пять лет назад, так что не трудитесь выражать соболезнования. Я вышла за него совсем юной! И боюсь, что моя молодость минует бестолково и бессмысленно, если я чем-нибудь не развлекусь.

– А почему это обязательно должна быть журналистика? – глянул вприщур Араго.

– Потому что это авантюра! А я по натуре авантюристка! – гордо объявила мадам Ревиль. – Стефания говорила, что есть какой-то Лукавый Взор, который вот уже полгода интригует вас и вашу редакцию. Как же это интересно: спрятаться под маской, всех сводить с ума своей таинственностью, глядеть в глаза человеку, который даже не подозревает, кто с ним говорит. Особенно волнующе это для женщины!

«Что бы это значило? – озадачился Араго. – На что она намекает? Сначала я – русофил, потом допрос о российском посольстве, теперь привязалась к Лукавому Взору. А что, если... что, если это она и есть Лукавый Взор?! Тогда было бы понятно, откуда автор загадочного письма, посланного Поццо ди Борго, так много знает о замыслах поляков. И разговоры о российских посланцах, и намек на мое возможное знакомство с графом... Но откуда автору письма знать про гусара Д.?! Откуда?!»

– Я почти уверен, что это женщина, – медленно произнес

Араго, отводя глаза от прищуренных янтарных глаз мадам Ревиль и рассеянным взором меряя ее фигуру. – Думаю, она хороша собой и знакома со множеством тех ухищрений, которыми милые дамы одурманивают мужчин. Во всяком случае, она настолько свободно рассуждает о видах тканей, фасонах платьев, шляпок и разных там drawers, прошу простить за англицизм<sup>74</sup>, что мужчине это просто неподвластно.

Араго уже успел заметить, что у мадам Ревиль очень выразительные, что называется, говорящие и даже болтливые глаза, и смысл этой веселой болтовни был бы совершенно понятен любому мужчине, даже не столь самоуверенному, как наш герой, однако вдруг ее глаза как бы умолкли, приняв такое напряженно-сосредоточенное выражение, словно мадам Ревиль пыталась вспомнить нечто прочно забытое. Однако, поскольку невозможно вспомнить то, чего не знаешь, она оставила бесплодные попытки и с обворожительной улыбкой проговорила:

– Drawers? А это что такое?

– Drawers – это то, что не носят filthes, – сообщил Араго, улыбаясь со всей возможной приятностью.

– Это что, снова англицизм? Ах, как это нелюбезно с вашей стороны, – надулась мадам Ревиль. – Я не сильна в английском...

Учитывая, что эти два слова были употреблены в первой

---

<sup>74</sup> От *франц.* anglicisme – выражение или слово, заимствованное из английского языка.

заметке Лукавого Взора, которую в Париже не читал только ленивый, причем сословная принадлежность не имела значения (Араго сам слышал, как подвыпивший мастеровой орал вслед шлюхе, фланировавшей по Клиши: «Эй, красotka, покажи свои drawers!»), ошибка мадам Ревияль оказалась просто роковой.

Это не Фрази и не Лукавый Взор, что за глупость была даже предположить такое. Да, но очень хотелось открыть наконец эту тайну!

Но какого черта мадам Ревияль его интриговала, а попросту нагло врала? Или он попался на пустой крючок?

Араго не хотел терять лицо, а потому ослепительно улыбнулся мадам Ревияль:

– Долой англицизмы! Однако сейчас мне все-таки хотелось бы встретиться с графиней...

– Тогда пройдите сюда, – кивнула мадам Ревияль на дверь танцевального зала, и янтарные глаза ее блеснули каким-то особенно коварным, дьявольским огнем. – Ищите – и найдете! А потом приходите кофе пить. Эта косноязычная Андзя варит совершенно неподобный кофе!

И она поспешила вниз по лестнице, подбирая свои пышные розовые юбки так высоко, что Араго увидел и розовые чулочки, и розовые туфельки, и даже розовые кружева на оборочках розовых drawers...

Впрочем, сейчас ему было не до того, что могло быть скрыто в этих розовых drawers, можно не сомневаться, с раз-

резом в шаг — для удобства, так сказать, общения.

Ему было сейчас не до этого разреза.

Нужно отыскать прекрасную Стефанию.

Но в какую сторону пойти? Мадам Ревиль указывала направо, Андзя — налево. Араго нерешительно повернул было налево, как вдруг за его спиной вкрадчиво скрипнула дверь, а потом послышалось испуганное «ой!», исторгнутое голосом, который показался ему очень знакомым.

Араго резко обернулся и увидел мужскую руку, которая отчаянно тянула на себя дверь, торопясь ее закрыть. Еще не вполне поверив догадке, Араго оказался рядом и так рванул на себя дверь, что на площадку вылетел... Ролло.

Ну да, Ролло!

Главный «бульвардье» остолбенело уставился на своего репортера. У него готов был вырваться изумленный вопрос: «Что вы тут делаете?», однако острый глаз уже приметил зеленый галстук, небрежно висящий на шее, и распахнутую рубашку, но это была сушая мелочь по сравнению с незастегнутым лацбантом<sup>75</sup> зеленых панталон (галстуку полагалось быть в цвет панталонам, как заповедал величайший щеголь своего времени граф д'Орсе<sup>76</sup>)! Одной рукой Ролло придер-

---

<sup>75</sup> *Лацбант* — клапан, откидная застежка на мужских штанах в XVII–XVIII веках. Собственно ширинка (гульфик) в современном понимании начала заменять лацбант примерно в 1820-х годах, однако вошла в обиход далеко не сразу. Лацбант долго сохранялся в матросских клешах и фрачных брюках.

<sup>76</sup> *Граф Альфред д'Орсе* (1801–1852 гг.) — законодатель мод, легенда французского дендизма.

живал отпадающий лацбант, а другой все еще цеплялся за дверь, как за спасение, явно желая улизнуть.

Араго задумчиво покачал головой.

Ай да ну!..

Он не заметил Ролло в числе танцоров, да и в любом случае все мужчины там были в строгих черных фраках, хоть и немало взопревшие после мазурки. Похоже, разноцветный Ролло прибежал сюда позже... через анфиладу комнат пронесся... откуда? Откуда-то, где ему понадобилось расстегнуть штаны. Кабинет, так сказать, надобности, даже если таковой устраивали в доме, помещали отнюдь не в центре анфилады парадных комнат, а где-нибудь в сторонке, на нижнем этаже, в самом глухом уголке, а то и вовсе в отдельном строении на задворках. Откуда же Ролло появился в таком виде?!

Да из будуара прекрасной графини, разумеется. Догадаться легко – достаточно взглянуть на его враз перепуганную (застигнут почти на месте преступления!) и в то же время торжествующую (обставил Араго, этого записного юбочника!) физиономию. Ну да, легко догадаться: вряд ли человек, которому понравилась женщина, при нем отличившаяся – да как! – другого, не будет этим уязвлен...

Вот и Араго уязвлен.

И что теперь с ним делать, с этим су-у-укиным котом Ролло? Да что еще, как не погнать взашей из газеты?!

Но нет, это будет глупо, тут же смекнул Араго. Допустить,

чтобы этот мальчишка на всех углах растрепал, что его выгнали с работы из мелкой мстительности, потому что репортер успел раньше своего редактора вскочить на ту кровать, куда тот так стремился? Да над Араго будут хохотать и коллеги, и завсегдатаи кофейен, а тираж «Бульвардье» обрушится ниже низшего предела.

Глупее, чем выгнать Ролло, было бы только вызвать его на дуэль. Ну уж нет, не по чину честь!

Однако неотмщенной обида все же не останется.

Араго растянул губы в улыбке и одобрительно прищурился:

– Ого! Наш сорванец на бегу стрижет овец? Ну и ну! Вы сейчас от Стефани? О-оо! – Араго решил не жалеть междометий. – И как она вам при более тесном, хм-хм, знакомстве? Обходительна, не так ли? Обходительна и очаровательна! Соглашусь, соглашусь... Но отчего это вы побледнели, Ролло? Утомились? Понимаю, сам таким же от нее выходил, о-хо-хо! – Хохотнуть удалось вполне натурально. – Ну что ж, пойдемте-ка вниз, друг мой, там угощают кофе и еще чем-то. Вам нужно хорошенько подкрепиться. Пойдемте, пойдемте!

И, подхватив ошарашенного Ролло под руку, Араго повлек его по ступенькам, да так проворно, что репортер едва успевал поддерживать падающий лацбант, не то чтобы пытаться его застегнуть.

Вспышка ревности, впрочем, уже погасла. Если рассудить, даже хорошо, что так сразу все определилось, подумал

Араго. Не наткнулся бы на Ролло — оказался бы в глупейшем положении, а уж как очаровательная Стефания повеселилась бы, да еще, не исключено, не раз обсмеяла бы вместе с Ролло самонадеянного Араго!

Однако теперь за этим репортеришкой надо присматривать. Хорошо, если он понадобился прекрасной и опасной даме только ради плотских игрish, а ну как она что-то вы- знала у него о редакторе «Бульвардье»? Или хочет вызнать? Или просто-напросто подбирается к Лукавому Взору?

Ну, здесь Ролло ей не помощник. Хотя... кто знает? По долгу службы он бывает там и сям, общается с огромным количеством людей, может быть, уже давно напал на след загадочного корреспондента да утаил от редактора? От редактора утаил, а польской графине, которая пленила его так быстро, поведал? А что еще поведал? Уж не то ли, что письмо Лукавого Взора вовсе не было пустышкой, а содержало в себе некий загадочный листок?..

Араго втолкнул Ролло в гостиную, полную жующего и пьющего польского народу, шагнул было следом, однако в этот момент краем глаза заметил модистку, которая тащила вверх по лестнице громоздкую картонку, обвязанную шелковыми лентами.

Оглянулся. Тот широкоплечий поляк, который, как показалось Араго, спустился вслед за девушкой, чтобы ей помочь, остановил Андзю и что-то злобно шипел, размахивая руками.

– Да что мне, ражорваться, что ли?! – визжала она в ответ. – В подмогу-то никого не дали! Я и при дверях, я и ужин шготовь, и каву жавари, и пирогов напеки, я потом и пошуду намой! Немудрено было жабыть про колокольчик! А дверь в погреб вы же мне шами велели отворенный оштавить! Да и велика ли беда, что девчонка там побывала? Что ж она там могла увидеть ошобенного?

– Чихо, глуптше!<sup>77</sup> – рявкнул поляк.

– Шам глупец! – рявкнула в ответ Андзя, которая, оказывается, все-таки понимала кое-что по-польски, и, вырвавшись, кинулась в гостиную.

Оттуда выглянула мадам Ревиаль и воскликнула изумленно:

– Тибурций, что случилось?!

Поляк ожег розовенькую Фружу таким взглядом, что она испуганно отпрянула.

Дальнейшего развития событий Араго ждать не стал – взлетел по ступенькам и выхватил из рук модистки неудобную коробку.

– Ничего страшного, – ответил он на испуганный взгляд. – Я просто хочу вам помочь.

И улыбнулся... так умел улыбаться только он, непревзойденный, как уже было сказано, умелец задирать нижние юбки.

Девушка оступилась и чуть не упала.

---

<sup>77</sup> Чихо, глуптше! – Тихо, дура! (польск.)



– Как вас зовут? – спросил Араго, подхватывая ее свободной рукой под локоток.

– Агнес, – выдохнула девушка, запнувшись, когда пальцы Араго словно невзначай коснулись ее груди.

– Вас ждет экипаж, Агнес?

– Н-нет, – покачала девушка головой, ошалело таращась на него. – Колесо отвалилось уже почти рядом с особняком... возница, кое-как привязав его веревкой, уехал... Я как-нибудь сама доберусь...

– А далеко вам добираться?

– Н-нет, я живу совсем рядом, по ту сторону площади Вогезов, – прошептала девушка. – Но платье я везла из ателье... оно на бульваре Капуцинок... поэтому понадобился экипаж...

Агнес говорила все тише и тише, глядя на Араго снизу вверх испуганными глазами, и он склонялся все ниже и ниже к ее губам.

– Отделайся поскорей от своей графини, – шепнул, легонько целуя эти дрожащие губы. – Я тебя подожду.

Араго отстранился, придержав девушку за плечи, когда она покачнулась, по-прежнему сомнамбулически на него таращась, и, поставив на пол картонку, быстро сбежал по лестнице.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.